

18+

АШИРА ХААН

ОДНОКЛАССНИКИ
БЫВШИМИ
НЕ БЫВАЮТ

С чистого листа. Романы Аширы Хаан

Ашира Хаан

**Одноклассники
бывшими не бывают**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хаан А.

Одноклассники бывшими не бывают / А. Хаан — «Эксмо»,
2022 — (С чистого листа. Романы Аширы Хаан)

ISBN 978-5-04-168523-2

«Одноклассники бывшими не бывают» — это увлекательный роман Аширы Хаан о непростых отношениях между бывшими одноклассниками, которые спустя много лет вновь сталкиваются на встрече выпускников. Чувства Риты вспыхивают с новой силой, но она больше не та наивная девчонка, безвольно таскающаяся за парнем — странноватым и таким привлекательным. Она повзрослела, пережила личную трагедию и теперь готова расправить крылья, чтобы наконец начать жить. Писательница Ашира Хаан создала чувственную и трепетную историю о любви, наполненную эмоциями, которая никого не оставит равнодушным.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168523-2

© Хаан А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

15 лет выпуска	6
50 лет школе	24
33-летний юбилей	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ашира Хаан

Одноклассники бывшими не бывают

© Хаан А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

15 лет выпуска

Мой муж называл встречи бывших одноклассников «ярмаркой тщеславия». Они нужны только для того, чтобы взять реванш за школьные унижения. Доказать всем, как они были неправы!

Троечники демонстрируют «Мерседесы» и дорогие часы. Отличницы хвастаются идеальной фигурой с накачанной попой. Лузеры якобы случайно открывают на телефоне эротические фото красоток. Оторвы рассказывают про успехи своих многочисленных детей. А те, кого дразнили за дешевое пальто, не забывают за всех заплатить.

На встречах одноклассников взрослые ответственные люди вдруг начинают вести себя как семнадцатилетние идиоты. Рассказывают, что алгебра так и не пригодилась за последние пятнадцать лет, закрывают гештальты, высказывая учителям в лицо то, что не решились тогда. И спят со звездами выпускного, не замечая, что мальчик в косухе и с подведенными глазами давно превратился в лысого толстяка с одышкой, а девочка с пухлыми губами и бесконечными ногами год назад родила четвертого, а эти ноги усеяны сосудистыми «звездочками».

Я ни разу не была ни на одной такой встрече, хотя меня упорно приглашали каждый год, включали в группы в соцсетях: «Пять лет нашему выпуску!», «Десять лет нашему выпуску!», «Последний год нашей молодости!».

Про молодость – это когда почти всем исполнялось тридцать. Это приглашение я удалила с особым удовольствием.

Мне было некому ничего доказывать и нечего завершать. Мои одноклассники – чужие люди, с которыми никогда не было ничего общего.

Школа запомнилась мне как бесконечно тоскливое и неприятное время: по нему я не скучала вообще ни разу в жизни.

Все школьные годы я была неудачницей. Училась с тройки на четверку, потому что даже самые интересные предметы наши учителя умудрялись преподавать так, что мухи дохли на лету. Мою любимую историю вообще отменили на несколько лет. Талантов у меня никаких не было, поэтому взрослым я была не особенно интересна.

Мальчики не обращали на меня внимания из-за очков и длинной «бабушкиной» юбки, в которой я проходила все старшие классы. Девчонки издевались и презирали, потому что моя семья была небогатой и не могла отправлять меня в заграничные поездки со всеми. У меня так и не появилось близкой подруги. Даже влюбиться я умудрилась в парня, которого все дразнили за длинные волосы до плеч и заикание. Да и тот таскался за другой и на выпускной подарил ей букет из сотни красных роз.

Тогда я поставила жирную точку на попытках найти что-то общее с бывшими уже одноклассниками и с радостью забыла о них.

Когда я нашла в своем почтовом ящике приглашение, первым порывом было выкинуть его в мусор. Остановило меня только то, что напечатано оно было золотым тиснением на бархатистой на ощупь белоснежной бумаге. Раньше-то присылали на электронную почту и не парились. Что вдруг изменилось?

Оказывается, вместе с нашим пятнадцатилетием выпуска родная школа празднует юбилей! Поэтому зовут всех-всех-всех, обещают красочное шоу, танцы, бесплатный бар с закусками и «уютные уголки для встреч со старыми друзьями».

Даже когда у меня в жизни все было хорошо, я не рвалась никому ничего доказывать и хвастаться высокооплачиваемой работой, красивцем мужем и каникулами за границей четыре раза в год. А сейчас, когда я могу послужить только удобным фоном для самоутверждения, мне тем более нечего там делать.

Они будут задавать провокационные вопросы и со смехом переглядываться: Кондратьева, как всегда, все просрала!

Только этого мне не хватало. Я только-только перестала плакать после развода и потери работы.

Не пойду.

Но приглашение выбрасывать не стала.

На следующий день я все еще была уверена, что никуда не пойду.

И еще через день.

И даже через неделю.

Но за четыре часа до назначенного времени я каким-то неведомым образом очутилась сидящей в кресле стилиста в ближайшем салоне красоты. Вокруг меня танцевал их лучший парикмахер, ногти на руках подпиливали сразу две маникюрши, расположившиеся с двух сторон, ступни отмокали в ножной ванночке с подогревом, а за спиной туда-сюда как тигрица металась, нахлестывая бока хвостом, хозяйка салона, пожилая армянка с сигаретой в длинном мундштуке:

– Мы из тебя такую конфетку сделаем! Хоть на «Евровидение» иди и пой!

– Я не умею петь!

– Это не важно! Пусть хоть повесятся и сожрут свои тапочки от зависти! Звезда будешь, я отвечаю!

* * *

Печально то, что на всю эту роскошь у меня не было денег. Совсем.

После того как спустя двенадцать лет брака муж бросил меня и ушел к женщине, уже родившей от него ребенка, я не могла работать. Сначала еще приходила в офис, но сидела, глядя мимо монитора в пустую серую стену. Потом перестала даже выходить из дома. Конечно, меня уволили. Никто бы не стал терпеть.

Бывший супруг из чувства вины подкидывал мне денег на квартплату и дешевые макароны, но это длилось недолго. Его малышке понадобилось лечение, потом реабилитация, потом еще что-то, а потом благотворительные порывы как-то и вовсе забылись и мне пришлось выкарабкиваться самой.

Работать головой я все еще не могла, начиная рыдать, стоило вспомнить о муже. Ногами тоже не получалось: попробовала курьером, но иногда в метро накатывала тошнотворная слабость, и я опаздывала везде, где можно. Зато руками – вышло! Я научилась делать украшения из стеклянных бусин и камней, и оказалось, что они нравятся людям. Работа собачья, наглости задираТЬ цены во мне маловато, но я хотя бы перестала бояться умереть с голоду.

Прическа и маникюр в этом салоне в мой бюджет не вписывались от слова «совсем». Но во всех остальных не было мест, а идти в родную школу с отросшими сантиметрами на пять корней было совсем неприлично. Сюда я забежала просто для очистки совести. Надо было доказать себе, что я сделала, что могла, и безумная моя авантюра – абсолютная глупость. Но случайно оказавшаяся в зале хозяйка Раиса вдруг начала меня пытаться, зачем мне так срочно нужны сразу и прическа, и маникюр, и вечерний макияж.

Я блеяла что-то про приглашение на свадьбу лучшей подруги, но пронизательную женщину было не обмануть.

– Не ври! – отрезала она. – Свадьбы обычно с утра, и к ним заранее готовятся. Да у тебя и платья, вижу, нет. К чему мы тебе макияж будем делать? Давай, признавайся!

– У меня свидание с мужчиной мечты! – тут же сменила я версию.

Говорить правду было отчего-то стыдно. Так суетиться из-за ерунды... Подумают, что ничего более значительного в моей жизни не бывает.

– Такие как ты на свидание берут только задорную улыбку и ворох историй, – покачала головой Раиса. – И мужчина мечты потом не может вспомнить не только то, была ли у тебя прическа, а даже была ли у тебя голова! Ну? Признаешься – найду тебе мастера. А то и сама возьмусь, нравишься ты мне!

Не имею ни малейшего представления, чем я могла понравиться стокилограммовой энергичной и громкой женщине, непрерывно курящей вопреки всем нормам прямо в помещении и громовым голосом шпыняющей худеньких бледных работниц салона «Парижский шик». Сомневаюсь, что в Париже все малиновое и в сверкающих стразах, включая ногти владелицы, но кто я такая, чтобы с ней спорить?

Я опустила глаза, сжалась от стыда и тихо-тихо проблеяла про юбилей выпуска.

И тут она прямо взвилась!

Боевые вертолеты вылетели на позиции, подводные лодки погрузились на дно, а линкоры нацелили орудия!

– Девочки! – прогремело на весь зал. – Подъем! Чрезвычайная ситуация! Мобилизуем все силы! Рахиль, Маша, на ногти! Одна взяла левую руку, другая – правую! Все, чем заняты, передайте Леночке!

– Но Леночка делает хуже! – возмутилась клиентка, которой успели расписать цветами ногти только на одной руке.

– У женщины встреча одноклассников! Весь мир подождет! – отрезала Раиса. – На свадьбу никого так не крашу, как тебя крашу, звезда моя! Где Ангел? Куда запропастился этот любитель... Ах вот ты где!

* * *

Я уж было решила, что она немножко двинулась головой, раз призывает ангелов небесных, но тут появился немного манерный и очень красивый мальчик – как выяснилось, болгарин, которого действительно звали Ангел. Вполне обычное там имя, как у нас Любовь.

Он был приставлен к моей голове, и я глазом не успела моргнуть, как меня начали стричь и красить, причем практически одновременно. Пальцы у него были невероятно ловкие и нежные, и про мои волосы он через пять минут знал больше, чем я узнала за всю жизнь.

Когда освободилась Леночка, кое-как, в авангардной манере, дорисовавшая клиентке ногти, она по собственной инициативе взялась за педикюр. Напомнив нам между делом, что Фрекен Бок была права: в женщине в ответственные моменты все должно быть безупречно. Даже то, что на первый взгляд не видно.

– Платье есть? – сурово спросила Раиса.

Она нервничала чуть ли не больше меня. Курила одну за другой, ловко выщелкивая окурки из мундштука и вставляя новые темные, терпко пахнущие вишней сигареты. Вентиляция в салоне была прекрасная – дым мгновенно всасывался где-то наверху вместе с запахами лаков, пылью от спиленных ногтей и прочей малярно-штукатурной взвесью.

Я помотала головой. Планировала влезть в свои самые узкие джинсы и надеть под полупрозрачную блузку кружевной лифчик, который держала только для постели. Грудь он поднимал божественно, но за это приходилось платить ощущением туго затянутой сбруи.

Но Раиса не дала.

Первую же освободившуюся работницу она послала в шоурум вечерних нарядов, где работала двоюродная сестра ее третьего зятя, которая после краткой беседы по телефону пообещала прислать самые лучшие платья вместе с VIP-картой на скидку. Встреча одноклассников – святое!

Даже со скидкой я не могла их себе позволить. Если визит в салон опустошал мой бюджет на развлечения на полгода вперед, то платье грозило лишить отпуска и усадить на гречку на год.

– Не жадничай! – нахмурилась Раиса. – Ты этот день будешь вспоминать дольше, чем свадьбу вспоминала! Ты себя будешь такой звездой чувствовать, что и на работе дадут повышение и премию!

Увы, на моей работе мне никто ничего не даст. Но я сдалась. В конце концов, заодно и похудею на той гречке, сплошные плюсы. И ткнула пальцем в облегающее платье выше колен, которое умело ловко спадать с одного плеча. Оно было короче того, что стоило бы носить женщине тридцати с лишним лет, однако на то и был расчет! Ноги у меня всегда были стройные, но в школе я ходила в длинных юбках и планировала теперь шокировать своих дорогих одноклассников зрелищем того, что они упустили в юности.

Как и обещала, Раиса лично взялась за мой макияж и потратила на него времени столько же, сколько ушло на весь остальной тюнинг.

И вот я стояла перед зеркалом в полный рост и не могла поверить своим глазам.

Меня и правда превратили в звезду.

Вопреки подспудно еще теплящимся страхам, что сейчас мне нарисуют «парижский шик» со стразиками, я выглядела по-настоящему стильно и элегантно. Я была похожа на себя... только лучше. Намного лучше.

Словно я стала совсем другой. Улучшенной версией себя, как на картинке в «Инстаграме» со всеми фильтрами и улучшениями.

Только настоящей.

Глядя в свои сияющие глаза, которым умелая рука Раисы добавила пикантной стервозинки, я решила, что вполне могу обмануть своих одноклассников. Показать, что я не такая, как на самом деле.

Не разведенка, а независимая женщина, меняющая поклонников как перчатки.

Не пустоцвет и неудачница, а чайлдфри, блистательная эгоистка, сознательно решившая посвятить свою жизнь только удовольствиям.

Не рукодельница, с трудом наскребающая на квартплату, а творческая личность, мастер с уникальными авторскими техниками.

Ведь все зависит лишь от точки зрения.

Могу я хотя бы на один вечер притвориться, что моя жизнь не полный провал?

Хотя бы на один день взмахом руки превратить свою тыкву в карету, мышей в лошадей, а крыс в кучеров?

* * *

Я живу недалеко от своей бывшей школы. Буквально пять минут быстрым шагом. Десять – если нога за ногу, останавливаясь у каждого дерева, говоря «Кис-кис!» каждому котику и мечтательно глядя в небеса. Если очень-очень-очень постараться, то можно засмотреться на двух дерущихся жуков-пожарников или на стаю птиц, улетающих на юг, и опоздать к первому уроку. Но получалось у меня редко. Тем, кому надо было ехать в школу на автобусе, везло больше.

Но как будто мне мало было десяти лет заключения в казенном доме, всю свою жизнь утром первого сентября я просыпаюсь под «Учат в школе, учат в школе, учат в школе», двадцать пятого мая – под «Когда уйдем со школьного двора», а в конце июня и вовсе не сплю всю ночь под ритмы дискотеки и пьяные крики выпускников. Наверное, потому я и не испытываю ностальгии по чудесным школьным годам и не плачу, когда вижу выпускниц в советской школьной форме из секс-шопа.

Так что добираться мне недолго, и перед своим бенефисом я еще успела забежать домой, чтобы найти подходящие туфли, сумку и побрызгаться любимыми духами Angel, которые в первый раз купила как раз пятнадцать лет назад, на выпускной. Ванильное печенье, шоколад, карамель, сахарная вата – запах сладкий, как моя выдуманная на этот вечер жизнь.

Время уже подходило, но явиться раньше всех было бы провалом. Поэтому я гипнотизировала часы и металась по квартире, не зная, чем заняться. С удовольствием бы сожрала что-нибудь на нервах, но боялась испортить Раисин шедевр мейкапа: губы ей особенно удались. Я и не знала, что они у меня такие сочно-глянцевые как отравленное яблоко в «Белоснежке». Хотелось часами на них любоваться, а лучше – пойти в таком виде повидать героев всех самых моих неудачных свиданий и показать им, что они упустили. Бывшему мужу тоже похвастаться, чтобы не думал, что я тут без него себя похоронила.

Ладно, специально для него сделаю селфи и выложу в «Фейсбук».

Чтобы убить время, я откопала в шкафу выпускной альбом. Много лет уже его не открывала, поэтому очень удивилась, когда поняла, что из всего выпускного класса в пятьдесят человек могу назвать по именам не больше десятка. И то – с трудом. Лучше всех помню тех, с кем зафрендилась в соцсетях, а остальные...

Я достала общее фото, на котором мы все такие дети с испуганными глазами, хотя казались друг другу взрослыми людьми, перевернула – а там одинокая надпись: «11-й класс, 730-я школа». И все. Думала, что вряд ли я забуду тех, с которыми провела десять лет вместе. А теперь шурилась на все эти полужнакомые лица и как будто Альтигеймером пришибло. Хотя в этом случае я, наоборот, должна лучше помнить, что было пятнадцать лет назад.

Вот, например, Оля. Что Оля – помню, а фамилию уже нет. Моя бабушка эту Олю очень любила и все время ставила мне в пример: какая она аккуратная, какая у нее прическа красивая, не то что мои лохмы. И на переменах не носится, а стоит у стеночки как хорошая девочка.

Хорошая девочка Оля в выпускном классе оказалась беременна и сдавала экзамены на восьмом месяце. Но это помогло от нравоучений только на год! Стоило мне окончить школу, как бабушка начала по новой: какая Олечка хорошая жена и мать, какая у нее доченька красивая, а ты когда замуж?

Даже потом, когда я забеременела и вышла замуж, Олечка оставалась светлой путеводной звездой.

Потом, конечно, бабушка примолкла из-за всего, что со мной случилось. Но я часто видела, как после новости о том, что Олечка родила третьего ребенка от третьего – самого успешного! – мужа, ей хотелось завести старую пластинку.

Но это уже слишком грустная история, а мне пора в школу!

Сама засмеялась. Пятнадцать лет не говорила эту фразу.

Хорошо все-таки, что идти недалеко. Если будет совсем печально, всегда можно сбежать домой. И сидеть тут красивой в платье стоимостью в отпуск и с шедевральной макияжем. Нет уж! Отступать некуда!

Школа была ярко освещена, железные ворота на входе увиты гирляндами искусственных цветов, словно на гавайской свадьбе, над дверьми сияли неоновые буквы: «Добро пожаловать, выпускники!» – и стелилась прямо к порогу красная ковровая дорожка.

Я прошла по ней, гордо выпрямив спину. Звезда я или нет, в конце концов!

Открыла дверь... и застыла столбом. Зато мое сердце сначала подпрыгнуло к горлу, потом камнем рухнуло в желудок, метнулось в пятки и, еще пять-шесть раз сменив местонахождение, наконец вернулось в клетку в груди, но и там отказалось нормально биться, сжавшись от чувств, которые я считала давно забытыми.

Там стоял Илья Соболев – моя невыносимая школьная любовь, несбыточная мечта, причина всех моих слез и улыбок в два последних школьных года.

Он чертовски изменился.

Пятнадцать лет назад он был типичным школьным изгоем: лузером и лохом, над которым все издевались за его длинные волосы, хипповские шмотки и гитару, которую он везде таскал за собой. По его виду сразу было понятно, кто тут главный козел отпущения, и ему прилетало даже за пределами школы.

Сейчас же передо мной был высокий, атлетичного вида молодой мужчина, одетый неброско, но дорого, со стильной прической и взглядом абсолютно уверенного в себе человека.

И этим взглядом он смотрел на меня в упор, но не узнавал.

А я не могла сдвинуться с места, пока сзади кто-то не толкнул меня и прямо над ухом не заорал:

– Соболев, ну ты чего застрял там?

Тогда он адресовал мне равнодушно-вежливую улыбку, аккуратно обогнул, чтобы не задеть, и вышел на улицу.

Так и не сказав даже: «Привет!»

* * *

Я не удивилась.

Сама вот только что не могла вспомнить, как зовут некоторых одноклассников на фото, а ведь с ними я в школьные годы болтала, ругалась, делала общие проекты, прыгала в резиночку, сбегала с уроков, ходила в походы и встречалась на вечеринках. С кем-то танцевала, с кем-то дралась за булочку в столовой или помогала зашить юбку в школьном туалете.

Только с Ильей, кажется, не обмолвилась и парой фраз. Даже в те времена я не была уверена, что он знает, как меня зовут, хотя мы учились в одном классе.

Это нисколько не мешало мне его любить.

Он был какой-то совершенно нездешний, как инопланетянин. Даже выглядел не как все: с прямым тонким носом и острыми скулами, пшеничного цвета волосами до плеч, в вышитых цветами расклешенных джинсах, он походил на американского хиппи шестидесятых годов, взявшего в руки гитару еще до Вудстока.

Подойти к нему и завести разговор о фильме, который идет сейчас в кино, или попросить помочь с домашним заданием, как наивно советовали девичьи журналы в те времена, было совершенно немыслимо. Однажды на английском мы задавали друг другу вопросы о наших любимых книгах, фильмах и музыке. Все называли «Терминатор» или «Грязные танцы», и на этом фоне особенно странно прозвучал его ответ: «Забриски поинт». Никто не понял, что это было. На каком это языке? Это что, кино? Никогда о таком не слышали.

Точно так же дело обстояло с музыкой и книгами.

Куда я к нему сунусь со своей любимой Астрид Линдгрен, если он с таким же нездешним видом отвечает, что его любимый писатель – Фаулз?

Которого я даже прочитать-то смогла только лет в двадцать пять.

Но это не мешало мне мечтать, что однажды неземные серые глаза посмотрят на меня с чем-то иным, кроме терпеливого равнодушия, которое доставалось всем окружающим.

Кроме Вари.

Варя тоже была не такой, как все, так что я его могла понять. В ней смешалось столько разных кровей, что, глядя на темноглазую бойкую красотку с ворохом каштановых кудряшек, сложно было понять, где помотало ее предков. Сама она рассказывала про бабушку-цыганку, деда-итальянца, прадеда-монгола и прапрадеда – австралийского аборигена, но запросто могла и врать. Она вообще легко и беззаботно врала и так же легко сочиняла забавные и страшные истории. Была похожа на налитую соком тугую смешливую черешенку и тоже читала книги и смотрела фильмы, о которых остальные даже не слышали.

Неудивительно, что Илья влюбился в нее, как только впервые увидел на линейке в школьном дворе в десятом классе. Она переехала к нам с родителями, двумя сестрами и пятнадцатью кошками из Владивостока, где ее отец служил на подводной лодке – или она придумала это, чтобы казаться интереснее, как и все остальные свои истории.

Он таскал ей шоколадки, писал разноцветные записочки с признаниями в любви и длинные письма о своей жизни. На всех переменах он всегда ошивался неподалеку и не спускал с нее влюбленных глаз. Каждый день провожал ее до дома: иногда с ее разрешения шел рядом, а если она не позволяла – на несколько метров позади. Вызывался дежурить вместо нее в классе, а на субботах делал и ее часть работы, и свою.

Он посвящал ей стихи и даже классные сочинения, если речь шла о любви.

До момента ее появления я считала, что он бесплотный как эльф и бесконечно далек от пубертатного сумасшествия, которое началось в седьмом классе. Все эти разговоры о том, кто с кем гуляет, кто на кого запал, перебрасывание записочками, пошлые рисунки на листочках в клеточку, передающиеся под партами по рядам, первые поцелуи и пересказанная страшным шепотом книга «1001 вопрос про это».

Но я ошибалась – ему тоже были не чужды все эти глупости.

Варя всегда могла быть уверена, что он первый подойдет пригласить ее на танец на дискотеке и четырнадцатого февраля первой валентинкой на ее парте будет его сердечко.

Его любовь была безответна, безнадежна, но от этого становилась только сильнее.

Мне оставалось только тайком писать о нем в розовый дневничок с замочком, отчаянно шифруя его имя, чтобы никто не догадался, даже если прочитают.

Я гадала на него с зеркалами и пеплом, я шептала выдуманные заклинания на рождающую луну и носила в ухе сережку со стилизованной буквой «И», Илья. Она была настолько вычурной, что казалась похожей на «М» – Маргарита. Никто не догадывался.

Я не могла вымолвить рядом с ним ни слова и опускала глаза, когда он смотрел на меня. Однажды мы с Варей возвращались вместе из музея после экскурсии, она жила недалеко от меня. Илья напросился ее проводить, и всю дорогу домой я молчала и смотрела в землю, умирая от счастья его близости.

А потом школа закончилась и нам было негде больше встретиться. Он снился мне еще несколько месяцев в счастливых, наполненных солнцем снах. И еще однажды я шла по улице, и мне показалось, что я увидела его, идущего мне навстречу в толпе. Не смогла разглядеть – испуганно уткнулась взглядом в асфальт, чувствуя, как бешено бьется сердце и заливают жаром лицо. Тут же свернула в ближайшую парикмахерскую и там потребовала покрасить меня в рыжий и сделать сумасшедшую стрижку. Просто так, на всякий случай. Вдруг он сейчас пойдет по улице обратно, заметит меня и...

И с тех пор мы больше не виделись.

Через год я встретила своего будущего мужа, и образ нездешнего мальчика потускнел в моей памяти. Я думала, что за пятнадцать прошедших лет мои чувства давно истлели и рассыпались в прах.

Я ошибалась. Как я ошибалась!

* * *

Мне понадобилось всего три секунды, чтобы взять себя в руки и вспомнить, что я давно не школьница. Я взрослая женщина тридцати с лишним лет, которая умеет держать лицо, когда ее увольняют с работы, когда ей говорят, что у нее никогда не будет детей, и когда любимый муж заявляет, что уходит к другой. На фоне всего, что случалось со мной в жизни, то, что Илья Соболев меня не узнал, – такая ерунда! Не стоит даже потускневшей улыбки.

Возвращаемся к изначальному плану. Я тут не затем, чтобы сохнуть и тосковать по школьной любви. Моя задача – утереть нос бывшим одноклассникам, стать звездой на этот вечер и потом черпать силы в этом воспоминании для того, чтобы выкарабкаться из той ямы, в которую я попала.

Собственно, для этого я сюда и отправилась вопреки всем разумным доводам. Пока только сама себя уговариваешь, что твоя жизнь не так уж и плоха, легко усомниться. Но когда эту веру поддерживает вера самых пристрастных в мире судей – вот тут можно многое! Даже лютые враги, заполученные во взрослом возрасте, никогда не будут настолько убеждены в твоей никчемности, как школьные друзья.

Самый уверенный в себе плейбой скукоживается, когда на него смотрит девочка, отказавшая в танце на школьной дискотеке. И не важно, что у его ног рыдали самые красивые актрисы мира, пока он с жестокой улыбкой говорил: «Ты знала, что это будет всего одна ночь». Если домохозяйка из Бутова пятьдесят четвертого размера помнит, как стыдилась того, что ты посмел с ней заговорить, в твоей душе навсегда останется та часть, которая знает, что она была права.

Так что задача сотворить невозможное и переломить воспоминания одноклассников обо мне стоит усилий. Но для этого надо их шокировать. Просто зарплату в пять тыщ евро и встречи Нового года на вилле Робби Уильямса недостаточно. Они тоже Пугачеву вживую видали! Нет, надо потрясти самые основы их представлений обо мне как о бедной скромнице и тихоне. Золушке, которой не досталось крестной феи, поэтому за балом она наблюдает из-за забора.

Поэтому спину прямо! Грудь, губы, томный взгляд! И не оглядываться как селянка на ярмарке, а задумчиво встать посреди холла с видом обнаженной Мэрилин Монро, доставшей сигарету неизвестно откуда. Сейчас мир выйдет из ступора, и со всех сторон поднесут зажигалки.

Сработало.

– Вы какого года выпуска? – тут же прилетел мне вопрос, оглянуться не успела.

А вот теперь успела. Красивый мальчик в белой рубашке и очках, одиннадцатиклассник, видимо. Вопрос задал, правда, не мне, а моей груди. Но это ничего, в таком возрасте стоит даже на линолеум, ожидать, что он оценит мой изысканный стиль, было бы преждевременно.

В руках у него был планшет, в который он тыкал, не глядя, пока я медленно мерила его взглядом. Наклонилась к его уху и с придыханием спросила:

– Года выпуска? Как «Жигули»?

– В смысле... – он мгновенно растерялся и покраснел. – В каком году...

Он совсем смутился и опустил глаза. А там у меня – ноги!

Вот эти, которые стройные и от ушей. Моя гордость, одноклассниками еще не виденная, даже круче груди.

Совсем засмущала парня. Молодец, монстра первого уровня победила, перехожу на следующий.

На котором уже без попыток флирта быстренько назвала свой год выпуска, и мальчик охнул.

Я удивленно подняла бровь. Одну. И руки на груди скрестила. Взгляд его тут же метнулся от ног обратно, до моих глаз так и не добравшись.

– Я думал, вы лет пять назад выпустились... – забормотало несчастное создание, отмечая меня в списках.

Что еще нужно девушке для счастья? Юное создание лихо скостило мне десяток годиков! Такого комплимента хватит надолго.

Сколько времени прошло, а лифты в школе так и не сделали. Престарелой женщине тридцати с лишним лет и на каблуках пришлось карабкаться по выщербленным бетонным ступенькам аж на третий этаж, помахивая бейджиком с именем и буклетом о школе.

Наш тридцать третий кабинет находился в углу рекреации, и по пути я с любопытством рассматривала изменившуюся школу. На дверях других кабинетов были наклеены бумажки с надписями: «Выпуск 2003 года», «Выпуск 2011 года», «Выпуски 1975–85 годов». У последних, видать, совсем мало бойцов осталось.

Некоторые двери были распахнуты, и я заглядывала туда, где веселые люди разных возрастов пили и пели, сидя за столами, расслабив галстуки и скинув туфли, нагло курили прямо в распахнутое окно и рассматривали наваленные ворохом фотографии.

Другие были закрыты – и оттуда доносилась музыка самых разных поколений. Можно было без табличек угадать десятилетие выпуска.

Мимо двери, где звенела гитара, я проскочила побыстрее. Голос нашего физика, любителя походов и авторской песни, я узнаю даже в старческом маразме.

А мимо следующей прошла на цыпочках – рефлексивно. За полтора десятка лет ремонт наверняка делали не раз, но дверь учительской осталась такой же жуткой, обитой черной кожей и с острыми металлическими заклепками.

В родной тридцать третий кабинет я заходила уверенной в себе звездой – но, едва переступив через порог, мгновенно провалилась в прошлое.

Вроде там было все новое: интерактивная доска, пластиковые окна, кулер, портрет президента над учительским столом, – а запах и атмосфера остались все те же. Будто и не было тех пятнадцати лет. Будто бы мне приснился и выпускной в роскошном платье, и студенческие пьянки, и свадьба в районном загсе, и работа, на которой меня, как взрослую, называли Маргаритой Борисовной...

Как бы я ни ненавидела школу, а десять лет моей жизни она была мне вторым домом. И сейчас я почувствовала именно это – что я вернулась домой. Пусть меня тут не особенно любили и ценили, все равно – дом.

И сегодня в нем праздник.

На сдвинутых столах стоят бутылки «Советского шампанского», дешевые соки в картонных упаковках, горками навалены бутерброды с колбасой, в пластиковые стаканчики разлита водка.

Не выходя из образа, я с кривой улыбкой осмотрела угощение и наконец перевела взгляд на собравшихся.

Как говорится, попала в ад, а тут все свои!

* * *

Хотя на секунду мне показалось, что я не туда попала.

Кто эти тетки и мужики с раскрасневшимися лицами? Разве на двери был написан не наш год выпуска?

– Кондратьева! Ты ли это? – раздался возглас, и я прозрела.

Моргнула – и вдруг увидела перед собой тех, с кем мы расстались на рассвете в выпускной. Большинство я с тех пор и не видела. Но сразу узнала, хотя они все чудовищно изменились. Надеюсь, и я тоже. Но в другую сторону.

Дом домом, но как бы мне ни хотелось размякнуть и кинуться всем на шею, нельзя забывать, что у меня есть план! Глобальный план!

А тут передо мной настоящий второй шанс произвести первое впечатление. Которое у меня не удалось при первой встрече, когда я – маленькая, лопоухая, испуганная, с букетом гладиолусов больше себя самой – пришла на школьный двор и моментально потерялась. Попы-

талась прибиться к третьему классу, откуда меня шугнули, потом ко второму – там начали смеяться над «мелочью», и когда меня наконец отловила моя будущая первая учительница, я уже почти редела.

Когда нас завели в класс и все стали занимать места, я выбрала себе сначала первую парту посередине, бабушка говорила, там сидят отличники. Но кто-то сказал: «Это мое место!» – и я послушно ушла, потому что подумала, что опять ошиблась. И ушла с первой парты у окна – по той же причине. А вот на третью никто не претендовал, так что я забилась там в угол и испуганно отгородилась букетом. Который, конечно, надо было отдать учительнице!

Так с тех пор и пошло, что Кондратьева – бестолковая мямля.

А уж когда в третьем классе мне выписали очки, тут-то и появился законный повод для дразнилок, а то на весь класс не было никого толстого или маленького. Здоровому детскому коллективу всегда нужен аутсайдер.

Если сейчас я дам слабину, меня тут же запихают обратно в мою экологическую нишу мямли и неудачницы. Нет уж.

Под сканирующими взглядами полутора десятков человек я прошла к своему месту у окна. Оно тянуло меня как магнитом. Теперь-то мне казалось, что это идеальная позиция: можно смотреть на школьный двор, можно повернуться спиной и видеть весь класс, и при желании штора скрывает от орлиного взора учительницы.

На мгновение заколебалась перед тем, как сесть. Школьные стулья всегда цепляют колготки, это закон. Со времен моей учебы финансирование стало лучше, но закон есть закон – неровные края стула щерили зубы, готовые наставить мне зацепок.

Звезда я или кто?

Развернулась, бросила сумку и буклет на хищный стул, а сама уселась прямо на парту, закинув ногу на ногу. Платье тут же поползло вверх, еще больше открывая бедра, но я ослепительно улыбнулась и сама обвела всех оценивающим взглядом:

– Привет!

Их пристальное внимание ощущалось как щекотка. Хотелось елозить и почесываться. Внутри нарастала паника, и кто-то маленький и испуганный бегал кругами в моей голове и верещал: «АААААА!»

Но снаружи я держала улыбку на идеально накрашенных глянцевых губах.

К счастью, большинство никак не могло оторваться от разглядывания моих ног. Зато теперь я могла сканировать их критическим взглядом и изображать строгую комиссию по оценке успешности жизни.

Это у кого тут животик через ремень переваливается и проплешинка на макушке отражает свет ламп?

Женя Протасов, наш плеейбой! Был таким кудрявым светленьким мальчиком с голубыми глазами как с картинки из детской книжки. В третьем классе все девчонки были в него влюблены! Я тоже, разумеется. До Ильи я добралась чуть позже.

Память потихоньку распаковывает архивы, и плоские черно-белые фото обретают цвет и объем, над ними шуршит неумолчный шепот историй, случившихся за десять лет, а за ними встают в очередь на воспоминания тени тех, кого пока здесь нет.

Вот этот сутулый усталый мужчина с кудлатой черной бородой, спускающейся на грудь, был когда-то худым высоким растрепанным парнем с горящими глазами безумного ученого. Обожал теоретическую физику! Называл нас всех тупыми и недалекими, делая исключение только для тех, кто любил математику. Потому что физика, повторял он, это единственный язык, на котором с нами говорит мир. Если не учить физику, то рано или поздно скатишься во тьму Средневековья и будешь думать, что гроза гремит из-за того, что пророк Илья ездит по небу на колеснице.

Коля. Коля Денисов, я вспомнила!

– Коль, а чего ты такой бородатый как моджахед? – я решила первой перейти в атаку. Раньше, чем кто-нибудь спросит, как у меня с мужем и детьми. – Или ты модный хипстер из барбершопа?

– Я священник, – пробурчал он.

– Да ладно?! – я так изумилась, что моя идеальная маска треснула.

– Рит, будешь шампанское? – тут же засуетилась Дашка Новикова, цапнув со стола бутылку. Она всегда была главной примирительницей, остро чувствовала, когда кто-то на грани ссоры, и разряжала обстановку. В этом она не изменилась. – Мы тут уже все познакомились и рассказали о себе, ты немножко опоздала...

Я сверкнула глазами, и она тут же исправилась:

– Но можем быстренько повторить, а потом про тебя послушать!

Мой внутренний компас, указывающий на цель, повернулся, стрелка задрожала – и мы с ним согласились, что отчет бывших одноклассников перед звездой будет выглядеть достойно.

Только все испортил Соболев.

* * *

– Никакого шампанского! – раздалось от входа громко и пафосно. – Мы принесли вам благую весть!

Все обернулись – на входе стоял Соболев с ворохом набитых пакетов, и за ним пытался протиснуться еще Вася Морозов, с таким же набором.

– Весть о том, что мы будем пить нормальное итальянское «ламбруско», а не эту дрянь, – пропыхтел он. – Ну и жратву заодно принесли.

Он все же вломился в кабинет мимо застывшего в дверях Ильи и принялся доставать из своих сумок разнокалиберные бутылки, шуршащие упаковки с мясом и сыром, какие-то фрукты в разноцветных сеточках, коробки с шоколадом.

Я отметила это краем глаза, потому что не отрываясь смотрела на Соболева.

А он смотрел на меня.

Хотя нет, сначала он смотрел на мои ноги. Очень внимательно рассматривал, начиная с кончиков туфель – увы, не Маноло Бланик, не Джимми Чу и совсем не «Лабутены». Вот что мне стоило в тучные годы их купить?

Он скользнул взглядом выше, обвил им лодыжки, погладил колени и так надолго задержался на бедрах, что захотелось натянуть подол платья пониже. Дальше случилась опасная зона с моей грудью, но он ее, в отличие от того одиннадцатиклассника, мужественно преодолел. Все-таки взрослый и опытный мужчина.

И наконец добрался до глаз.

Я встретила его взгляд с прохладной полуулыбкой, хотя внутри то самое испуганное существо пялилось на него, умирая от своей смелости: я впервые в жизни так прямо смотрела ему в лицо!

Все рванули распаковывать пакеты с таким энтузиазмом, словно получили подарки от Деда Мороза. Или очень большие и взрослые «Киндер-сюрпризы». Сюрприз, игрушка, шоколад – как в рекламе нашего детства. Всегда интересно, что будет в пластиковой коробочке внутри шоколадного яйца. Нынешние дети, которым достались «киндеры», поделенные по содержанию для мальчиков и девочек, для любителей динозавров или собирающих коллекции игрушек из мультиков, такого наслаждения от настоящего сюрприза не получают уже никогда!

На меня больше никто не обращал внимания. Доставали бутылки, разливали, раскладывали по тарелкам треугольные сэндвичи, умело резали на квадратики сочащиеся соком желтые тайские манго, вылавливали из банок огурцы, ломали плитки шоколада.

Илья в этом участия не принимал. Он подошел, встал рядом, оперевшись на парту, и, глядя на бывших одноклассников, вполголоса, словно по большому секрету, сообщил мне:

– Ты потрясающе выглядишь. Я тебя даже не узнал сначала. Не поздоровался – не был уверен, что правда ты. Даже мелькнула мысль, что у тебя такая взрослая дочь. А я наброшусь с объятиями: «Привет, Ритка!» Не так поймет.

В лицо будто кипятком плеснули, я даже задохнулась от жара и захотелось прислонить мгновенно заледеневшие ладони к пылающим щекам. Во рту пересохло, и я сразу не нашлась, что ответить, и только загадочно улыбнулась, стрельнув в него глазами из-под прикрытых ресниц.

– Давай я расскажу про всех, пока они заняты.

Он сложил руки на груди, и я быстрым взглядом пробежалась по его потертым голубым джинсам и белой рубашке с закатанными до локтя рукавами. Все-таки потрясающе выглядит. С годами стал не просто лучше, а неприлично лучше.

– Женька Протасов, – кивнул он на нашего плешивого плейбоя. – Владелец автомойки. Очень этим гордится, не вздумай усомниться, что это высшее достижение для человека. Морозову уже объяснил, что тот, изменник родины, сбежавший в Израиль, должен в ножки кланяться поднимающим экономику России.

И он хитро посмотрел на меня искрящимися от смеха глазами.

Это было так странно. Как будто мы с ним были и остаемся хорошими друзьями и у нас есть общие шуточки. Он меня точно ни с кем не перепутал?

– Таня Рикита, – Илья указал на стройную, даже тощую, очень загорелую белокурую девушку с явно силиконовым бюстом. – Вышла замуж за доктора и живет с ним в Германии.

– Это Рикита? – удивилась я.

Ее совсем не узнать. Была такой скромной пухлой девочкой с косой ниже помы и бездонными славянскими глазами, воплощением истинно русской красоты. Как и когда она превратилась в сушеную фитоняшную звезду пластической хирургии? Нос ей, похоже, тоже подправили. И вообще перешли лицо так, что я с трудом уловила только знакомую бездну в глазах.

– Да, я тоже был сначала шокирован, – покачал он головой, снова говоря вполголоса и придвигаясь все ближе. – Но ей все нравится. Наоборот, говорила, что жалеет нас, неудачников. А это...

– Сплетничаете? – К нам подошла Оленька Синаева – вот уж кто совсем не изменился! Как была рыжей и веснушчатой, легко краснеющей, так и осталась, только раздалась в бедрах, погрузнела, и под глазами залегли круги.

– Конечно, – подмигнул ей Илья, а она бросила на него типично женский оценивающий взгляд. Оценила весьма высоко. – Это наша почетная мать-героиня. У нее пятеро прекрасных детишек, фотографии которых она тебе с удовольствием покажет. И расскажет обо всех их успехах. Особенно младшая у нее хорошо поет.

– Нет, младшая танцует, – поправила Оленька и полезла в телефон. – Сейчас покажу ее выступление. А поет у меня средняя.

– Вторая с конца, – серьезно кивнул Илья.

– Другая средняя лошадица, недавно выиграла соревнования по выездке, сейчас тоже фото покажу... Ой, а тут у меня старшенький в форме пограничника, хотите посмотреть?

– Не понимаю, зачем столько детей, – проворчал вроде бы вполголоса Протасов, но так, что его, сидящего за столом с бутербродом в руке, слышали даже здесь у окна. – Вечерами заняться нечем было? Сериал можно посмотреть.

– Вот из-за таких, как вы, у нас и проседает демография! – моментально взвилась Оленька, а я подумала: «Началось». – Вот у тебя есть дети? Есть?

– Двое! Оглоедов! Спиногрызов! Вандалов! Я свой долг выполнил! Вместо армии на памперсах оттрубил, теперь никому ничего не должен! – Он с каким-то наслаждением тщательно скрутил кукиши на обеих руках и продемонстрировал разом покрасневшей Оленьке.

– У Насти Шмидт одна дочка, зато она работает начальником в главной налоговой, – быстро попытался переключить тему Илья. – Представляете, какие среди нас люди?

– А я работаю мамой! – прошипела Оленька. – Лучше бы тоже помогали демографию улучшать! Кому нужна ваша карьера без детей?

Илья ловко поймал кинутую Морозовым пачку «рафаэлок», достал одну конфету и протянул ей.

– Мы будем стараться, – смеясь одними глазами, сказал он. – У нас еще вся жизнь впереди.

– А ты, Рит? Детишки есть? А то часики, сама знаешь! – Оленька зашуршала фантиком, но замерла, ожидая моего ответа.

Ух, как вспотели ладони... Пришла моя пора.

– Вась, разлей пока, – Илья кивнул на стол, где только у Протасова был налит виски. – Мы какие-то неприлично трезвые для встречи выпускников. Ты что будешь? – спросил он у меня и мягко толкнул плечом в плечо. Мол, держись.

* * *

Я дождалась, пока мне в руки попадет стаканчик с игристым розовым, малодушно надеясь, что, пока его донесут, меня что-нибудь спасет. Хотелось чего-нибудь покрепче, конечно. Но я знала, на что шла. Вообще в последние пять лет, я заметила, стало неприлично задавать вопросы: «А почему у вас ребеночка нет?», «А когда за вторым?», «Не хотите еще и девочку?», «На фига вы столько нарожали?».

Правда, только среди нормальных людей, а бывшие одноклассники – что-то вроде родственников, считают себя вправе интересоваться любыми интимными подробностями.

Хотя встречаться с теми, кто видел меня беременной, было намного хуже.

– А я... – небрежно откинувшись, облокотившись о подоконник, – считаю, что Земля и так перенаселена. Восемь миллиардов, куда еще детей рожать?

– В смысле? – Оленька так округлила рот, что белоснежный шарик «рафаэлки» вошел бы туда как шар в лузу.

– Семь с половиной миллиардов, – зачем-то уточнил Морозов. Это, конечно, принципиально.

– Я решила жить для себя, – пояснила я. Пожалуй, про перенаселение – это слишком сложно. Упростим. Я отпила шампанское, собираясь с мыслями и вспоминая все то, в чем меня обвиняли, когда я говорила, что не готова снова рисковать. – Не портить фигуру беременностью, высыпаться по ночам, тратить деньги на курорты, а не на школьную форму.

– По Турциям катаешься? – нахмурил лоб и быстро, угрожающе надвинулся на меня высокий и лысый как колено мужик, которого я даже испугалась в первый момент.

Но через три суматошных удара сердца узнала Славу Першина, нашего школьного поэта. Очень талантливый. Был. Сейчас он выглядел как скинхед: лысый череп вместо есенинских кудрей, куртка-бомбер вместо бархатного пиджака и «говнодавы» с железными носами вместо лаковых туфель. Еще один претендент на приз в конкурсе на самые кардинальные перемены.

– Нравятся их мусульманские... – он шагнул вперед, сжимая кулаки.

– Эй, эй! – Илья перехватил его запястье и встретил порыв напряженным взглядом. – Мы же тут все хорошие друзья, правда?

Как он сам умудрился так сильно измениться? Из неловкого и забитого подростка превратиться в человека, который ловко рулит беседой в компании и сглаживает самые острые моменты.

– Олька, конечно, клуша, но права. Если не мы, то кто перерождает этих! – Протасов снова подал голос из-за стола и снова посреди откушенного бутерброда.

– Вам надо, вы и рожайте! – я демонстративно пожала плечами, стараясь унять испуганно бьющееся после атаки Першина сердце. – И нет, не по Турциям. Я предпочитаю активный отдых. Вулканы в Исландии, хайкинг в Новой Зеландии, изучение японской культуры...

Не думала, что это будет так тяжело. Казалось, что все давно отболело, заросло. Но, похоже, знакомые и друзья меня просто жалели. А тут бьют в самую мякоть, думая, что у меня там щит эгоистки. А у меня там едва выросшая тонкая кожица и неумело выстроенная поверх иллюзия благополучия.

– И ты светлые детские глазки и молочный запах волосиков променяла на эти свои вулканы? Тьфу! – Оленька даже такую милоту умудрилась сказать с презрением. – И не познала главное женское счастье – как под сердцем зажигается теплое солнышко!

Познала. И не только как зажигается. Еще – как гаснет. И как никто вокруг не верит, что беда уже случилась. Говорят, что все беременные мнительные. И только через несколько дней...

– Как растет паразит, питающийся моими соками, хочешь сказать? – я фыркнула. – И это еще здоровый! А если родится больной? Всю жизнь мучиться?

Ой, переживаю. На меня уже все смотрят с ненавистью, а Илья с изумлением. Но стоит мне вообразить, что я рассказала бы им правду...

– Ой, Умная Эльза! – отмахнулась Оленька. – Надо просто быть хорошей мамой, ждать и любить ребеночка! Все болезни деточек оттого, что матери плохое думали!

– Бог наказывает за грехи родителей! – пробасил Денисов, дернув бородой.

Вот-вот-вот. Лучше бы не стало. Наоборот – хуже. У меня не было бы даже этой защитной бравады, этой наглой улыбки, с которой я сейчас смотрю на них, щуря глаза, чтобы их не так резало от сдерживаемых слез.

– А муж-то у тебя есть? – спросила вдруг Таня Рикита, словно спохватившись, что на меня вывалили еще не весь программный ад. – А то, может, просто не берет никто, вот и выеживаешься?

Илья, который после моих слов о паразите задумчиво вперился в окно, заинтересованно повернулся.

– Нет.

Я коварно улыбнулась, глядя на то, как Рикита с Синаевой переглядываются, вписывая мое имя в толстый фолиант: «Неудачницы нашей школы».

– А что так? – нежно пропела Рикита. – Твои смелые взгляды отталкивают нормальных мужиков?

– Развелась, – я протянула между делом опустевший стаканчик, чтобы Морозов налил еще. – Понимаете, после тридцати лет у женщин начинается такой период... подъема. А у мужчин, наоборот, спада. Один мужчина с таким темпераментом не справляется...

Илья рядом, кажется, чем-то подавился и закашлялся.

Я спрятала невольную улыбку за глотком вина.

– А живешь на что? Платья такие покупаешь? – Рикита смерила меня ревнивым взглядом. Не понимаю, чего она ко мне прицепилась-то? – Мужики твои многочисленные бабло дают? Ты просто называешь красивыми словами старое доброе...

Илья остановил ее одним взглядом.

– Нет. – Вот и еще одна заготовка пошла в работу. – Я художник-ювелир, делаю украшения. Зарабатываю достаточно, чтобы позволить себе хотя бы одно красивое платье в пятнадцать лет.

Я оглянулась на Соболева – только он мог оценить тонкую иронию моей фразы. Но он смотрел на меня все так же задумчиво.

– Ты окончательно разочаровалась в любви? – спросил он негромко. – Не веришь, что можешь встретить человека, который станет для тебя единственным?

А ему это зачем знать?

* * *

Так странно: когда ты совсем юная наивная девчонка и веришь в любовь, каждый встречный рассказывает тебе, что любви нет, есть хороший секс и общие интересы. Мужики в своих компаниях смеются над наивными дуручками, которые ждут принца. Те, что поумнее, пользуются их верой, получая себе с помощью букета цветов, парочки подарков и обещания жениться на все готовых любовниц.

Но стоит набить шишки, пару раз собрать осколки разбитого сердца и обзавестись хорошим колючим цинизмом – и тут же вокруг образуются томно вздыхающие принцы, которые где-то между тридцатью и сорока очень хорошо оценили, какую пользу приносит женщина в доме. Но поздно.

– Романтическую любовь придумали средневековые трубадуры, чтобы за песенки лучше платили, – ответила я гораздо громче, чем Илья задал свой вопрос. – Взрослые люди руководствуются более прагматичными соображениями.

– И замуж не пойдешь, если позовет богатый-красивый? – ахнула Оленька. – Врешь ты все!

– Зачем мне замуж? Я там уже была. Женщине брак невыгоден, – продолжала я нести просвещение в массы.

Тут у меня хотя бы не болело.

Ушедшего мужа я отлично понимала и не винила. Особенно когда узнала, что там, на стороне, у него несколько месяцев как родилась дочь. Портить жизнь какому-нибудь богатому-красивому я точно не собиралась. Он ведь захочет общего ребенка, даже если у него уже баскетбольная команда наследников.

– Правильно раньше жен били... У баб никакого ума нет, – Денисов сказал это так мечтательно, что за его супругу стало тревожно.

– А я с Риткой согласен! – вдруг врезался в нашу беседу сидевший до сих пор тихо в углу Сашка Коваль. – Брак – это тюрьма, которую ты еще и не имеешь права проклинать!

Я его поначалу не узнала – только косилась на странного человека в темных очках в помещении. Но сейчас он их снял – и я сразу узнала эти высокие скулы. Про Ковалья у нас все знали, что он снимается в российских сериалах для домохозяек. Из тех, что крутят днем на центральных каналах. Потому и надел очки, запоздало догадалась я. Не хотел, чтобы поклонницы признали.

– Ты же вроде женат? – аккуратно спросил Илья и кивнул на невзрачную девушку рядом с Ковалем. Та сидела вплотную к нему, сжав побелевшие губы, и старательно смотрела в сторону.

– Потому и говорю из личного опыта, – нагло ухмыльнулся Коваль. Девчонка рядом с ним вдруг молча встала и очень быстро, зажимая руками рот, вышла из класса. Он проводил жену взглядом: – Ну и пусть бежит, дура. Нефиг ревновать было: «Я тебя одного не отпущу!»

Семейные трудности Ковалья с успехом перетянули на себя внимание одноклассников, и я воспользовалась передышкой, чтобы одним махом допить вино. Мои пальцы, держащие стаканчик, чуть дрожали, но острые пузырьки вспенили кровь и стало полегче.

Тем более что все отвлеклись на то, чтобы налить себе еще, подхватить пару фруктов или зажевать виски ломтиком мяса, и я перестала чувствовать себя будто на сцене в перекрестье прожекторов.

– Кого-нибудь еще ждем? – спросил Морозов.

– Наташку вроде, – неуверенно ответил Илья. – Она в «Фейсбуке» написала десяток восторженных комментариев, но я так и не уловил из них, приедет или нет.

– И все? Нас человек пятнадцать получается? – Морозов оглядел жующих и выпивающих.

Очки Ковалья уже пошли по рукам, с ним фотографировались «на память для родственников», Рикита что-то увлеченно толковывала Протасову, и время от времени они чокались стаканчиками с водкой. Вот уж не думала, что у них найдутся общие интересы.

– Громова написала, что ей есть чем заняться, кроме как на наши рожи смотреть, Потехина заболела, Бобров в Америке живет, Лисицын в Новой Зеландии...

– Я тоже живу в Германии, но я же приехала! – возмутилась уже не очень трезвая Рикита. – Потому что я вас всех люблю! Немцы так любить не умеют!

– Филистов еще в первый год после выпуска сторчался, – продолжил перечислять Морозов. – Кирюха Вольных пару лет назад от рака умер. Овсеева в уличной драке арматурой приложили.

Я поежилась. Про Филистова я знала. Он приходил ко мне под окна, долго звал, смотрел мутными красными глазами и просил одолжить хоть сотню. Я не дала. Потом долго жалела: вдруг эта сотня отделяла его от страшной участи?

– Давайте за них, – сказала Синаева и как-то ловко, быстро, опытно даже, разнесла всем стаканчики с глотком водки на дне. – Не чокаясь.

Мы все выпили, а Рикита сразу налила еще, до половины, и снова жажнула залпом. Чего это она? Не только у меня демоны внутри плачут?

– Остальные живы? Просто засранцы не хотят нас видеть? – Настроение Протасову не испортил даже этот печальный ритуал. – Давайте тогда за них, как за тех, кто в море!

– Варя еще, – Илья сказал это очень тихо, но попал в паузу между подначками и суетой. – Три года назад. В аварии.

Я задохнулась от его боли.

Каково было бы мне, если бы сегодня я узнала о том, что он тоже в этом списке?

Всегда думаешь, что одноклассники – постоянная величина. Годами будешь пропускать встречи, но стоит только захотеть – и снова всех увидишь.

Не всех.

* * *

Про меня все забыли, собравшись у стола, где снова разливали, рассказывали какие-то байки из жизни, выпивали, уже беззаботно ржали.

А я все никак не могла собрать себя из рассыпавшихся частей, встряхнуться и снова играть свою роль. Смотрела на Илью, который открывал игристое для девочек, и думала, что начинаю понимать тех, кто на встречах выпускников оказывается в постели со своей школьной любовью. Даже женатых и замужних.

Если не сейчас, то когда? Когда еще в последний раз проверишь, не было ли это чувство самым настоящим?

Я медленно допила то, что оставалось у меня в стаканчике.

Илья тряхнул головой, повернулся – и встретился со мной взглядом. Хорошо, что я за пятнадцать лет поумнела и повзрослела. Не вспыхиваю больше от смущения, не утыкаюсь глазами в пол. Все равно он сейчас отвернется и будет дальше смеяться и болтать.

Какой он все-таки красивый. Что тогда сердце замирало от его нездешности, что сейчас на фоне остальных наших парней с пузиками, лысинками и третьими подбородками только он да Коваль выглядят так, что хочется их облизать, а не подкинуть сотню на пиво.

Но Ковалю по работе положено.

Илья так и не отпустил мой взгляд. Подхватил бутылку со стола и направился ко мне. Но тут дверь класса распахнулась, и какой-то из одиннадцатиклассников, обеспечивающих организацию юбилея, сообщил:

– Через пятнадцать минут официальная часть! Спускайтесь в актовЫй зал!

– Ну что, пошли? – улыбнулся Илья, протягивая мне руку, чтобы помочь спрыгнуть с парты. А то красиво забраться я смогла, а как обратно – не подумала!

– А Наташка как же? – забеспокоилась Оленька. – Она придет, а нас нет!

– Оставь ей записку. – Протасов нагребал на одноразовую тарелку бутерброды с собой, как будто в поход собирался. – Морозов, захвати картины. Пару бутылочек.

– Зачем? – изумился тот.

– Ты слышал? Официальная часть! Сначала речь директора, коротенько, минут на сорок, потом ансамбль детишек споет что-нибудь душевное... Пока, короче, будем смотреть, надо себя поддерживать чем-то.

– Тогда крекеры возьми лучше, – серьезно сказал Илья, хотя глаза смеялись.

– Обязательно. А зачем?

– Они дольше всего не портятся.

– Угу... – И Протасов начал накладывать на тарелку башенки из соленых крекеров.

– Собираемся, собираемся! Рикита, не отставай! Коваль, твоя жена в туалете плачет, мы вас ждать не будем, сами добирайтесь! Синицина, ну что ты там разглядываешь? Вернемся – прочитаешь! – У Синаевой были такие узнаваемые интонации училки младших классов, что я не могла не улыбнуться. Видимо, это уже инстинкт как у пастушьей собаки: видишь разбегающихся подопечных – собери их в кучу и не забудь сказать «гав».

Но все-таки взрослые состоявшиеся люди гораздо способнее каких-то малолетних детей, поэтому, когда мы добрались до актового зала, где нашему выпуску даже выделили отдельный ряд, выяснилось, что где-то по пути сгнули Рикита и Протасов. Причем последний – вместе с крекерами и бутербродами. Морозов чувствовал себя очень глупо с двумя бутылками под взглядами других классов.

– Где Рикита? Где Рикита? – все металась Оленька, всплескивая руками.

– Одиннадцатый «А», сюда! – кричал с ряда перед нами какой-то мужик под пятьдесят, видимо, не догадываясь, что тут собралось несколько десятков одиннадцатых «А».

Я выбрала кресло, которое выглядело наименее хищным и не должно было порвать мои колготки. Илья устроился рядом, почти вплотную. Нам еще повезло – на задние ряды, где рассаживали выпускников помладше, нормальных стульев не хватило, и элегантным девушкам в платьях с разрезами пришлось садиться на низкие спортивные скамейки.

На сцене кто-то наигрывал на рояле гимн школы, но было ясно, что еще не скоро все рассядутся и угомонятся.

Видимо, Илья решил воспользоваться свободной минуткой и, наклонившись ко мне, спросил:

– Так получается, ты замуж не вышла?

– Почему? – обиделась я. – Я как раз туда сходила и все как следует выяснила. Это – подстава! Нам всегда говорили, что девочки больше хотят замуж, а парни от женитьбы бегут. Так что – зря! И те, и другие.

– Ладно, почему зря бегают, я понимаю, – кивнул Илья, а я покосилась на него и задумалась, как он умудрился ускользнуть от коварных вопросов про брак и детей. – А почему зря хотят?

– Потому что становишься помесью пылесоса с посудомойкой, – честно ответила я. – Весь быт – женское дело. Даже мужики, умеющие готовить и убираться, говорят, что женились не для того, чтобы делать это самостоятельно.

– Но ведь можно найти мужа, который так не думает... – возразил Илья.

– Ты большой специалист по поиску хороших мужей? – фыркнула я. – Много их себе нашел?

Он хотел что-то еще сказать, но тут тихая мелодия гимна школы зазвучала громче, еще громче, взвилась под высокие своды актового зала – и все вдруг как-то сразу перестали трепаться, суетиться и искать места, поднялись на ноги и, когда зазвучали первые слова, подхватили их, легко вспомнив каждую строчку.

В нашей школе гимн никогда не был обязателькой. Его написал один из самых первых выпускников и вложил в текст такую любовь к школе, что она чувствовалась до сих пор, спустя почти пятьдесят лет после написания. Даже я украдкой смаргивала слезы, а люди вокруг меня плакали без стеснения.

Все-таки у нас были и хорошие моменты. Просто я их забыла, обидевшись на тех, кто тогда не оценил меня. Но еще не поздно все исправить.

50 лет школе

Гимн как-то настроил всех на правильный, чуть торжественный лад. Все успокоились и расселись. К счастью, речей пока никто не толкал. Просто выходили классные руководители разных лет и рассказывали про свои выпуски.

Наша классная ушла из школы после того, как доучила нас.

И, видимо, сильно обиделась за что-то на руководство, раз не явилась даже на юбилей.

Мы успели почувствовать себя бедными сиротками и расстроиться, что нам не достанется доброго слова, но получилось даже лучше, чем я надеялась. Про наш выпуск решил рассказать учитель информатики.

Несмотря на то что мне всегда лучше давались гуманитарные дисциплины, а всем сердцем любила я и вовсе географию с историей, об уроках информатики у меня сохранились самые теплые воспоминания. Компьютеров тогда в школе было очень мало, поэтому заниматься разрешили тем, кому это нужно для поступления или крайне интересно.

Я собиралась на экономический или в рекламу, казалось – зачем мне вся эта компьютерная ерунда? Но все равно ходила, потому что программирование оказалось ужасно интересной штукой. Учили нас, конечно, совсем примитивным вещам вроде рисования кругов и движущихся точек, но я была в восторге.

Потом компьютеры обновили, поставили на них современные офисные программы, и девочек отдали другому преподавателю, который называл нас «будущими секретаршами» и учил какой-то ерунде вроде перекрашивания буковок в разные цвета.

Я взбунтовалась и сбежала обратно к мальчишкам и точкам, движущимся по координатам. В итоге, конечно, я все равно училась на факультете рекламы и пиара, но сейчас мне пришлось даже сморгнуть пару слезинок, когда любимый учитель упомянул мое имя.

Зря я все-таки не последовала его совету поступать на программирование.

– Наташка!

Меня дернули за руку, указали на сцену.

Пока я ностальгировала, уже успели рассказать про самый последний выпуск, и теперь на сцену вышла...

– Смотрите, Наташка!

– А говорила – опоздает из-за концерта.

– Так все правда же.

...наша любимая Наташка Белова.

Именно она была той, кто собирал все встречи нашего выпуска предыдущие пятнадцать лет. Как будто скучала по нам всем сильнее прочих.

Потому все так и удивлялись, что она до сих пор не пришла.

А она, оказывается, устроила нам сюрприз. Стояла на сцене в сверкающем блесками красном платье с разрезом, держала микрофон и улыбалась.

Но сначала должна была выступить наша завуч.

Невероятно строгая женщина: всегда в черном, с аккуратной прической и поджатыми губами. В школьные годы мы называли ее мегерой и строгой госпожой. У нее был нюх на коварные затеи. Звон ее металлических набоек на каблуках разносился по всем этажам школы, и все, задумавшие нехорошее, тут же становились паиньками.

Сегодня мы второй раз в жизни видели ее такой растроганной и почти плачущей. Первый был на выпускном, это не считается. Мы все были немного не в себе в тот день.

Она едва совладала с треснувшим голосом:

– Наша школа выпустила много достойных людей. Среди наших выпускников есть академики, телезвезды, писатели, ученые, художники, балерины, создатели большого адронного

коллайдера, арктические исследователи, спортсмены, изобретатели, многодетные матери – у Катеньки Патишиной одиннадцать деток! – преподаватели, в том числе работающие в Оксфорде, члены правительства. Даже один космонавт! – Завуч нашла глазами кого-то в зале и властным жестом поманила его: – Поднимись, пусть на тебя посмотрят. Вот у этого человека можно брать автографы. Мы гордимся каждым нашим учеником и надеемся, что помогли вам достичь того, чего вы хотели.

Она щелкнула пультом, и с потолка спустился огромный белый экран, на котором начали мелькать фотографии выпускников. Я даже заметила себя!

– Я бы могла рассказать вам про каждого. Я не шучу. У учителей совершенно уникальная память и самая большая семья в мире. А у директоров и завучей еще больше. Вот поднимите руки, кто не верит. Ага. Вася Морских, выпуск девяносто седьмого года. В девятом классе ты написал под окнами школы признание в любви Кате Антиповой. А на последнем звонке, чтобы доказать, что готов ради нее на все, выпрыгнул с борта теплохода.

– Я на ней женился потом! – выкрикнул из зала Вася.

– Молодец, – отозвалась завуч. – Хотя не зря МЧС вызывали.

– У нас трое деток!

– Только не отдавайте в нашу школу.

– Поздно, в следующем году придем.

– О боже... – Завуч закатила глаза, но счастливая улыбка выдавала ее истинные чувства. –

Ладно, кто еще?

Взвился лес рук.

– Пусть кто-нибудь просто выйдет вперед, а то решите, что я специально выбираю тех, кого помню.

Женщина в деловом костюме сделала шаг из первого ряда.

– Меня вы точно не помните, – тряхнула она головой.

– Конечно, помню, – усмехнулась завуч. – Алиса Северова. Ты училась всего один год в девятом классе. Удивлена, что ты пришла. Ты писала великолепные статьи в школьную газету, мы обсуждали их на каждом педсовете.

Алису, кстати, я тоже помнила.

Очень хотела быть на нее похожей – такой же независимой и яркой.

– А теперь давайте поприветствуем нашу выпускницу, ставшую певицей. Маленькая музыкальная пауза, чтобы вы немного отдохнули. Кстати, в школе она ненавидела уроки музыки. Никогда не ставьте крест на своих детях, даже если они утверждают, что алгебра им никогда не пригодится. Вдруг у вас вырастет новый Перельман? – И завуч тем же властным жестом пригласила Наташку в центр сцены.

Она была чуть ли не единственной моей подругой в школе. Учила меня краситься, а я помогала ей с химией. Вытаскивала меня на школьные дискотеки и подговаривала своих кавалеров меня приглашать на танцы. Всегда звала меня на дни рождения и отдавала старую одежду, которая выглядела моднее и ярче моей новой.

А еще она была единственной, кому я говорила про то, что влюблена в Илью. Один раз мы даже подсмотрели в школьном журнале его адрес, нашли дом и несколько часов наматывали вокруг него круги, потому что мне очень хотелось его увидеть.

Наташка фыркала, что нечего так унижаться из-за какого-то парня, но продолжала ходить вместе со мной. Только когда мы замерзли, а свет в его квартире погас, мы пошли по домам. Мне тогда здорово влетело за позднее явление.

Я покосилась на сидящего рядом Илью. Как-то мы с ним на этой встрече слишком много общаемся. Она запросто подумает, что я решила потряхнуть стариной и закрыть этот гештальт школьных лет.

* * *

После музыкальной паузы – а Наташка и правда неплохо пела! – официальная часть закончилась, и все стали разбредаться кто куда. Одни снова по классам общаться друг с другом, другие шли поболтать к любимым учителям, третьи разглядывали фотографии со школьных праздников, вывешенные в столовой. Из актового зала выносили стулья: собирались устроить дискотеку.

Я не удержалась и сбегала обнять своего любимого учителя информатики и поблагодарить за теплые слова, а потом нырнула за кулисы и пробралась в каморку за сценой. Наташка была еще там и очень мне обрадовалась:

– Кондратьева! Явление Христа народу! Пошли покурим и расскажешь, кто тебя уломал все-таки прийти, если не я! Буду ревновать, сразу говорю.

Несмотря на нашу дружбу в школе, после ее окончания мы как-то разошлись в разные стороны. Она поступила в институт туризма, я на рекламное отделение журфака. У нее появились поклонники и тусовки, у меня – активная политическая жизнь. Сложно было учиться среди лучших новостников, которые уже работали на телевидении и в газетах, и не вовлекаться в эту движуху.

Я приходила в гости к Наташке и вываливала на нее гору важных новостей, призывала сходить на митинг, на встречу с местными депутатами или хотя бы подписать петицию. С жаром делилась своим возмущением по поводу очередной глобальной несправедливости.

Она выслушивала меня со скупающей улыбкой и все реже и реже звала на свои тусовки с новыми подругами. Впрочем, мне тоже были неинтересны закрытые вечеринки в ночных клубах и бары, где можно потанцевать на стойке за бесплатный коктейль.

У нас оказались слишком разные интересы.

Это с годами, лет через десять после выпуска, начинаешь ценить любого человека, с которым не противно, не скучно и есть хоть одна общая тема для разговора.

А в юности кажется, что и дальше друзья будут нанизываться на твою жизнь так же легко, как в школьные и студенческие годы. Только отрастают колючие шипы принципов и все сложнее притираться к новым людям. Со многими из тех, кто мог бы стать близким, больше не подружись так просто. Они уже при встрече высказали что-нибудь слишком радикальное, и теперь подавать им руку не комильфо.

Вот и остались протянувшиеся ниточками соцсети, поздравления с днем рождения, которые все короче с каждым годом, пока не вырождаются до картинки в личку.

Но раз сегодня день ностальгии, ностальгнем и с Наташкой?

Курилка на территории детского учреждения в наше суровое время – это все равно что устроить бордель в школьном подвале. А ведь, помню, в далекие либеральные годы у нас в школе разрешали курить тем, кому уже исполнилось шестнадцать и кто принес справку от родителей. Сейчас мы переглянулись и все-таки решили соблюсти закон и выскочили через дыру в заборе к трансформаторной будке. Судя по количеству окурков за ней, не одни мы были такие умные.

– Ну что, Ритка? – Наташка ловко выудила длинную сигариллу из яркой пачки, я жестом отказалась. – Видела уже нашу подружку-шлюшку? Как тебе ее губищи?

– Ты про кого так нежно? – изумилась я.

– Про Рикиту же! – Наташка постучала мне пальцем по лбу. – Или у нас еще кто-то из девок себе губы наколол так, что кажется – осы покусали?

– А что с ней? – все еще не понимала я. – Ты ее так за губы приложила?

– Когда все в актовый зал ломанулись, она в спортивной раздевалке Женьке отсасывала.

– Серьезно? – Я представила, как картиночно-глянцевая ухоженная куколка Рикита этими своими пухлыми губками берет у пузатенького Протасова в рот... и сделала это зря. – Он же... Фу!

Наташка хрипло рассмеялась, глядя на мою реакцию, затянулась и выпустила дым в предзакатное небо.

– Она в него весь десятый класс была влюблена. Помнишь, он ходил тогда в качалку и был такой гладкий мускулистый пупс со светлыми кудряшками? По нему половина девок вздыхала, но ее прям клинило. Может, она до сих пор вместо лысинки видит те кудряхи.

– Она же замужем?

– Ну так муж в Германии. О чем он не знает, то ему не навредит.

– Блин...

Я так растерялась от ее демонстративного цинизма, что забыла даже про свою роль успешной звезды и независимой женщины. По-хорошему, это я должна была говорить текст про «муж далеко», но...

– Сафронова не приехала, кстати? Разжирела и стесняется? – Наташка докурила и вытащила следующую сигарету. Щелкнула зажигалкой. Мы же тут сплетничать, я так поняла, под это дело можно и пачку уговорить.

– Нет, там всего человек пятнадцать. Морозов, Синаева, Чернозуб, Вешнякова...

– О, а Синаева приехала, хотя у нее тоже жопа с дом. Но есть оправдание. Иванова тоже мне сказала, что не приедет. Видела ее на фотках? Время не пощадило. Такая, знаешь, тетка нашего детства, так и ждешь, что за поломанную сирень влетит.

– А что, все, кто не приехал, стесняются? – хмуро уточнила я.

То есть все эти годы про меня думали и говорили вот такое же?

– Ну а как еще? Это ж только на словах все такие: ах, к чему вспоминать наши детские обиды! А в реальности все отлично помнят. Особенно хорошо помнят те, кого травили. Зато те, кто травил, они самые светлые человечки.

Ее мысли были таким неприятным отражением моих, что я поежилась. Грубым, темным. Но похожим. И мне совсем не хотелось с ней соглашаться, хотя говорила она вроде бы правильные вещи.

Просто... мерзко.

– Илюха-грязнуха тоже тут? Никогда не ходил на наши встречи, как и ты, а тут, смотрю, на юбилей выманились.

– Да, тут.

У Ильи в старших классах действительно было такое прозвище. Как-то в школьном походе он отказался идти с парнями в деревенскую баню, сказав, что вполне помоеется и в ледяной речке, только в одиночестве. С тех пор и прилипло. Нечего отрываться от коллектива.

– Меня после школы на свидание тоже как-то звал. Но я не Варька, я его прямым текстом послала. Представляешь, рассказывала бы потом, что гуляла с Илюхой-грязнухой! Да меня бы все наши оборжали. Докатилась.

– Ну не знаю... – я постаралась сделать равнодушный вид, хотя неловкость и стыд ошпарили изнутри. Теперь я точно знала, что она будет говорить про меня после этой встречи, если увидит, как Соболев со мной воркует. – Он сейчас такой красавчик стал, особенно на фоне остальных...

Наташка поправила роскошное декольте своего сверкающего платья, перекинула длинный хвост темных волос с одного плеча на другое и кокетливо заметила:

– Да, Рикита же не постеснялась с Протасовым. Может, и мне замутить?

– С Протасовым? – непонимающе переспросила я.

– Да нет же, – она засмеялась. – С Илюхой! Раз ты говоришь, он теперь огонь.

Я будто ударилась лицом о бетонную стену. Глубоко втянула носом воздух с запахом табачного дыма и закашлялась.

* * *

Наташка как будто не заметила моей реакции. Или и вправду не заметила? Она всегда была немного эгоисткой, но в детстве такие вещи не критичны. Это потом они оплетают бывших друзей как щупальца спрута, так что до живого человека и не дотянуться.

– Ну а когда еще карнавалить, Рит? – спросила она с вызовом, будто я возражала. – Последняя наша молодость уходит!

– Не знаю, вон ВОЗ продлила возраст молодости до сорока четырех лет. Может, рано прощаться? – попыталась я отшутиться.

– Кому мы в сорок четыре нужны будем, Рит? Сейчас надо зажигать! Муж с одноклассниками на пятидесятилетие выпуска тупо сауну сняли на всех. Чего туда-сюда мотаться? Все, кто в школе и после не успел, там воплотили свои мечты. Зато больше никаких сожалений.

– погоди, муж? Ты замужем? И он спокойно это тебе рассказывает? – вот на этом месте я просто охренела.

Кажется, тут не я буду самой отвязной зажигалкой. Теряю позиции, пора что-то с этим делать.

– Он меня уверял, что у них в классе все бабы страшные, а выпускники детского садика, где он встретил первую любовь, почему-то не собираются. А он, может, до сих пор в самые ответственные моменты дрожит на ее красные лаковые туфельки.

– И ты веришь?

– Ой, Ритуль, мне по фигу! – скривилась Наташка. – Главное, чтоб его отпустило. А то у некоторых крышечку лет через тридцать сносит, на пороге пенсии. Уже пора к похоронным костюмам присматриваться, а они бегут жениться на той, с кем на теплоходе целовались во время Последнего Звонка. Для того и нужны эти встречи. Пока еще мы можем видеть друг друга прежними, какими нас больше уже никто никогда не увидит.

Последние ее слова прозвучали так пронзительно и тревожно, что я поежилась, несмотря на то что воздух был теплым, почти летним.

Это правда.

Самая правдивая правда.

Одноклассники помнят меня плохо одетой мямлей в очках, но они же помнят меня в самом соку, в обтягивающем серебристом платье на выпускном, под которым не было лифчика, потому что сиськи стояли и так.

Я тогда как раз прочитала в журнале про тест с карандашом, который надо было совать под грудь, чтобы проверить, отвисла она уже или нет.

И как я ни совала, не получалось этот карандаш никак прижать. Неужели это вообще возможно? Так я тогда думала.

Сейчас об этом смешно вспоминать. Даже бывший уже муж не помнит меня такой. А вон те люди, бухающие в тридцать третьем кабинете, да!

– Пойдем, – Наташка наконец закурилась. Или соскучилась в моей компании. – Я в туалет по дороге заскочу только. Теперь там двери запираются, прикинь? Нынешняя молодежь порошу не нюхала.

Да, в наши времена были только перегородки между унитазами. А в других школах иногда обходились и без них. Зато теперь не надо стоять на стреме, повернувшись спиной, пока там подружка занимается своими делами.

Можно просто пойти домой.

Действительно уже пора линять. Всколыхнула болотце, наступила всем на хвосты, покрасовалась, поплакала, пощекотала себе сердечко переглядками с Ильей – и хватит. Сейчас игры пойдут по-взрослому: в раздевалках и пустых кабинетах, профессионально, как умеют такие, как Наташка. А я не умею, я двенадцать лет замужем была, уже не помню толком, как флиртуют.

Надо заново учиться. А то я после мужа встретила только с его другом, который весь наш брак строил мне глазки, и еще с одним старым поклонником. Ни там, ни там ничего толком не вышло.

Только пробежусь в последний раз по школе и ускользну как дисциплинированная Золушка, которая следила за временем и не разбрасывалась обувью.

Здесь висел телефон-автомат. Сначала с диском, потом поменяли на кнопочный, а мы, те, кто ходил на информатику, в интернете нашли способ, как взламывать такие автоматы и звонить бесплатно. Это работало!

Дальше по коридору была библиотека, где я пряталась от одноклассников, когда у них были особенно «злые» дни. Увы, среди тех, кто дразнил меня, были и заучки, поэтому скрыться от них не получалось. Но в тихом читальном зале соблюдалось перемирие.

Еще дальше – медицинские кабинеты. От зубного всегда пахло дезинфекцией и страхом. На профилактические осмотры нас приглашали группами прямо с уроков, и идти по лестнице вниз на казнь было страшнее, чем три минуты посидеть в кресле с открытым ртом, получить свое обычное: «Здорова» – и вприпрыжку вернуться на ненавистную – обожаемую в этот момент! – алгебру. С прививками так легко не прокатывало, их делали всем.

Сейчас в коридоре почему-то не пахло этим медицинским ужасом. Может быть, мы тогда его больше придумывали, чем ощущали?

Мимо столовой я проскочила не останавливаясь. В какой-то момент во всех школах ввели одинаковые завтраки и обеды и куда-то делись поварахи, которые кроме обязательных противных каш и супов пекли совершенно волшебные румяные булочки. За которыми, если честно, я бегала целый год после выпуска, притворяясь школьницей.

Вот под этой лестницей все целовались. А когда там никто не целовался, там тусовался самый крутой школьный народ. Те, кто не целовался и не был крутым, иногда забегали, чтобы почитать, что нового написали на стенке. Это была наша своеобразная газета сплетен, потому что по традиции целующиеся там писали первые буквы своих имен в сердечке. А вся школа потом гадала, кто это – «Р+И».

Кажется, так никто и не узнал.

Но в наше время там, конечно, все было закрашено, и вместо старой банкетки навалены сломанные стулья и парты. За пятнадцать лет традиция сошла на нет. Даже жаль немножко.

На этом я решила экскурсию закончить и сбежать через боковую дверь, но тут чья-то фигура заслонила свет.

Кто-то еще пришел поностальгировать по школьным поцелуям?

* * *

– О, Ритка-Маргаритка!

Я вздрогнула.

Голос был мне знаком. Как-то не подумала, что он тоже тут будет.

Игорь зашел под лестницу, и свет упал на его лицо. Рыжие странно стареют. Как высыхающие фрукты – выцветают и скукоживаются, блекнут, обращаясь в мумии. От пронзительно-яркой апельсиновой шевелюры остались какие-то неопрятные ошметки пегого цвета, от голубых глаз цвета южного моря – потускневшее северное небо.

Он учился раньше нас на десять лет. Когда я мыкалась со своим букетом по рядам первых классов, он гордо шел с алой лентой «Выпускник». Был тогда по сравнению с нами, семилетками, безумно взрослым. Вообще из другой жизни, как родители. Когда выпускницей стала уже я, пропасть лет превратилась в узкую расщелину, которую было легко перепрыгнуть, если надо.

Зачем-то ему понадобилось.

Я пришла на отбор в школьный театр. Пробовалась, как и все девчонки, на главную роль в «Ромео и Джульетте». И, конечно, не прошла.

Режиссер сказал, что в нашем с Ромео поцелуе не было достаточно любви и страсти. Конечно, ведь мой партнер, который тоже пришел пробоваться на главную роль, постоянно шмыгал носом. По-настоящему мы, конечно, не целовались, но я все время боялась, что сопливый Ромео ткнется в меня влажными губами и меня стошнит. Сейчас это был бы прекрасный артхаусный фильм: Джульетта испытывает отвращение к Ромео, имитирует свою смерть, чтобы избавиться от него, но даже это не помогает.

Тогда я, конечно, расстроилась. Бежала плакать в туалет, когда по пути меня отловил Игорь, уже выпускник, которого все равно приглашали играть в школьных постановках. В этой должен был быть Эскалом, герцогом Веронским, который в финале и говорит знаменитую фразу: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте».

Он предложил научить меня актерскому мастерству. Вот прямо под этой лестницей.

Что ж, целовался он и вправду отлично. Но для роли этого было маловато, а мое бедное сердечко было слишком плотно занято Ильей. Хотя, конечно, мне льстило внимание такого взрослого мужчины.

Мы еще немного походили на свидания, невинные, с мороженым и дельфинарием, а потом, когда Игорь стал намекать на большее, я трусливо слилась, отмазавшись подготовкой к экзаменам.

Ну как – слилась... Просто перестала подходить к телефону, когда на определителе высвечивался его номер. Он был упорный, в день бывало по сорок звонков. Родители уже начинали закипать, но постепенно все сошло на нет. Я очень боялась, что он придет на выпускной, но обошлось. Видимо, нашел кого-то поговорившее.

– Тоже вспоминаешь былые победы? – усмехнулся Игорь. – Я в лучшие времена оставлял тут по сердечку в месяц. А теперь стал старенький, и девушки меня больше не любят.

Видно было, что он кокетничает и ждет, что я скажу, что в сорок с хвостом для мужчины все только начинается. Но я даже не знала, что меня взбесило больше: это самодовольное высказывание про лучшие времена или то, что при этом он меня все же запомнил!

Даже странно при такой-то плотности графика.

– Радуюсь, что некоторые славные традиции канули в Лету, – честно призналась я.

То нацарапанное им сердце жгло мне душу страхом еще долго. Мне казалось, что если Илья узнает об этом, то больше никогда на меня не посмотрит.

Не узнал. Но и не посмотрел.

– Мне кажется, у нас зря ничего тогда не вышло, – вздохнул Игорь. Подошел и устало, как-то грузно, сел на сломанную парту. – Как думаешь? Попробуем еще разок? Кольца у тебя нет, ничего не мешает.

– Ты уже всем из «лучших времен» это предложил? – фыркнула я.

– Колочая. Жестокая, – как-то даже нежно сказал он. – Всегда такой была, поэтому и нравилась.

– Иди на фиг, – честно сказала я и направилась к лестнице.

Реально у них всех бес в ребро, что ли?

– Давай хоть в «Фейсбуке» зафрендимся! – крикнул он мне вслед.

Я только еще раз фыркнула, быстро стуча каблуками по ступеням.

И вспомнила, что вообще-то собиралась домой, когда уже взялась за ручку двери нашего класса.

– На той тусовке даже Ритка была! – услышала я в ту секунду, когда уже была готова отпустить дверь и все-таки сбежать.

Так-так-так... Сплетничают обо мне?

– Это Корниенко ее заставила!

– Да ладно? Это как?

Я натянула улыбку и вошла.

– Это так, что у меня не было выбора, – я оглядела класс и заметила, что Наташка уже сидит рядом с Ильей. Флаг им в руки и бронепоезд навстречу. Отошла в противоположную сторону и подхватила последний свободный стаканчик. – Я уронила ее плеер, и у него раскололась задняя крышка. Она сказала, что либо я оплачиваю замену, либо прихожу на ту вечеринку.

Забавно, они все считали, что я просто стеснялась тусовок. На самом деле меня никогда не приглашали. Но я настолько выпадала из поля их внимания, что оказывалась в нем только тогда, когда меня хотели как-то поддеть.

– Но это была МЕГА-вечеринка! – зажмурилась Наташка, толкнула Соболева плечом, да так и осталась сидеть, прижавшись к нему. – Ты помнишь? Как Денисов нажрался и блевал из окна на клумбу? Как мы разбили дизайнерский плафон и пытались его склеить из самых мелких осколков? Как Дашка прятала от нас варенье из фейхоа на шкаф, чтобы не сожрали?

– И как мы пытались выговорить название этого варенья – тоже, – подхватил кто-то из наших. – Фейх... фейховайное? Фейховое?

Я из той вечеринки помнила, как мы пробовали по глоточку разноцветные ликеры из родительского бара и как почему-то все решили, что у меня начались месячные, и подходили, чтобы поиздеваться по этому поводу под видом заботы. Не надо ли тебе, Риточка, таблетку? Грелку? Шоколадку? Запасную прокладку? Вроде бы совершенно невинно, даже по-доброму, но не когда это делают двадцать человек подряд с паузой в пару минут.

– Илюш, не нальешь мне еще шампанского? – проворковала Наташка прямо Соболеву на ухо. И прижалась еще теснее. Ничего особенного, но буквально за три минуты она добралась с ним до стадии, до которой мы не дошли и за пару предыдущих часов.

Никогда я такому не научусь, просто никогда!

– Конечно! – легко откликнулся он.

Забрал у Наташки стаканчик, открыл новую бутылку, положил на тарелку несколько ягод клубники и винограда, хотя она не просила.

Поставил перед ней...

И отошел. Ко мне.

Сел рядом на свободное место, чокнулся своим шампанским с моим и спросил:

– Тебе тоже понравилась та тусовка?

– А ты разве на ней был? – изумилась я.

В огромном загородном доме, роскошном даже по нынешним временам, можно было спрятать половину нашей школы, но уж Илью-то я бы заметила!

– Все были. Меня Варька пригласила, чтобы точно не отказался. Хотели огромную вечеринку, как в американских фильмах. Но я быстро ушел.

– Как это ушел?... – я растерялась. – Там даже автобусы не ходили, нас в «Газели» привезли-отвезли.

– Ну так... – В серых глазах заискрился смех. – В шестнадцать лет бешеному лосю двадцать пять километров не расстояние.

– Ты псих... – пробормотала я.

– Просто не люблю дешевых манипуляций.

Мне показалось или при этом он посмотрел на Наташку, через весь класс прожигающую нас взглядом?

– Кстати! – совершенно некстати вылез Денисов. – А помните, мы на выпускной делали такую огромную стенгазету с фотками и там все писали, кем хотят стать, а остальные приписывали, как им кажется, сбудется или нет? Вот бы сейчас это перечитать!

– Я помню, что хотела стать певицей, – рассмеялась Синаева. – Такая глупенькая была.

– А вот Наташка стала, – подколот Першин. – Думаешь, она глупенькая?

– Наташ, а ты кем хотела?

Наташка закинула ногу на ногу. Я ревниво заметила, что у нее это получается куда сексуальнее, чем у меня. На меня только Соболев слюни пускал, а она притянула все взгляды, даже девчонок. Кроме собственно Соболева.

– Не помню... Жаль, мы эту газету не сфоткали тогда хотя бы. Ее, наверное, выкинули.

– Да нет же, – удивилась я. – Она у меня дома лежит на антресолях. Ты же мне и помогала ее тащить, она ж метров пять в длину, я бы не справилась.

– Серьезно?!

– Кондратьева, а ты далеко живешь?

– Тут, в пяти минутах, – я кивнула на свой дом, который было видно в окно класса. – Принести?

– Конечно!

– Давай помогу? – предложил Илья, вставая вслед за мной.

* * *

Ну вот и меня наконец мальчик провожает из школы домой.

Пять минут быстрым шагом. Десять – нога за ногу и отвлекаясь на кошек.

Пятнадцать – если вам есть о чем поговорить.

Я была на каблуках, но Илья легко подстроился под мой шаг.

Да, пять минут – это оптимистичный расчет для тринадцатилетки с избытком энергии. В моем солидном возрасте так не получится.

И не надо.

Этот майский день слишком славный, чтобы куда-то торопиться.

Можно идти рядом, с трудом удерживаясь, чтобы не взять Илью за руку, и представлять, как это могло бы быть тогда. В те времена, когда за такую прогулку я отдала бы половину своей крови и десять лет жизни.

Можно подставлять лицо солнцу и чувствовать, что тебе снова пятнадцать, все впереди – только хорошее! – и мир пахнет клейкими тополиными почками и счастьем.

– Ты так близко живешь? – удивился Илья, когда я кивнула на свой дом. – Повезло...

– Можно было еще ближе. Из той пятиэтажки до школы идти быстрее, я проверяла, – рассмеялась я.

– И всю школу так жила? Пять минут от дверей до дверей?

– Представь себе...

– А мы не высыпались! Тащились по утрам от остановки, проклиная весь мир! – возмутился он. – Я кофе начал пить лет в четырнадцать, чтобы хоть как-то по утрам глаза открывать. Жил на той стороне, у леса, пешком минут сорок отсюда.

Чуть было не ляпнула: «Я знаю». Вот было бы палево.

Наша школа считалась хорошей. Немного с прибабахом со всеми этими традициями и гимнами, но зато учителям было на нас не пофиг и увидеть ее сгоревшей мы не мечтали. Поэтому в нее с радостью приезжали и с другого конца города, и даже совсем издалека, как та же Дашка, которую личный шофер возил каждое утро из загородного дома.

Таких как я, живущих близко, было меньшинство.

– А сейчас ты как? Родители с тобой живут? – полюбопытствовал Илья.

Все-таки одноклассникам мы позволяем больше. Спроси это кто-нибудь другой, я бы как минимум поморщилась от бесцеремонности.

– Нет, они переехали в деревню, когда я стала самостоятельной. Там огород, речка, лес, собак можно завести хоть стаю, мама всегда мечтала.

– Значит, с мужем и детьми? – хмыкнул Илья, но тут же спохватился: – Ах да, ты же не замужем. И детей не любишь.

– Ну что значит – не люблю! – запротестовала я. – То, что я решила их не заводить, вовсе не значит, что прямо не люблю. Я с удовольствием вожусь с детьми друг.

– Интересный вариант. С удовольствием, но своих не хочешь.

– Думаешь, все должны хотеть детей? – Я помрачнела. – А вдруг не получится их полюбить, например?

Удерживаться на грани между правдой и бравадой становилось все сложнее.

– Дети – это же твое продолжение. Как их можно не полюбить?

– Надо для начала любить себя, чтобы полюбить свое продолжение, – вздохнула я.

– А ты себя не любишь? – Илья остановился.

Нам оставалось только свернуть на тропинку, ведущую через поляну, заросшую радостными желтыми одуванчиками. Ощущение сияющего счастья оттого, что вокруг весна, светит солнце, теплый ветер ласкает мои плечи и ворошит пшеничные волосы Ильи, не мог перебить даже этот грустный разговор.

Неопределенно пожала плечами в ответ на его вопрос.

Я вдруг как-то устала от этой придуманной роли записной стервы. Наташка в ней смотрелась органичнее.

А мне хотелось насладиться этим моментом, будучи самой собой.

Сбылась моя самая заветная мечта. С опозданием минимум на пятнадцать лет, но ведь сбылась!

Хорошо, что я все-таки решилась пойти на эту встречу.

– Это философский вопрос, – тихо сказала я и перевела тему: – Идем! Надеюсь, ты простишь меня за бардак. Сейчас я вытащу хлам с антресолей, и станет еще хуже!

Про бардак я, разумеется, кокетничала. Буквально накануне я вылизала всю квартиру, и порядок нарушали только валяющиеся на кухонном столе фото из школьного альбома.

Илья взял нашу общую фотографию одиннадцатого «А» и стал разглядывать так внимательно, словно у него своей такой нет.

Перевернул и хмыкнул:

– Ты тоже не подписала, кто есть кто.

– Вечером подпишу, пока помню. – Я взяла табуретку и утащила ее в прихожую. С этой стороны антресолей торчала только елка и коробка с новогодними игрушками, а вот с другой как раз должны были быть свернутые листы ватмана с нашей выпускной стенгазетой.

Если выжили за столько лет. Моль ведь не ест картон?

– Хочешь, помогу с теми, кого сегодня не было? Я несколько лет назад заморочился и всех нашел.

– Да забей. Зачем? Имеет смысл помнить только тех, кто рядом... – пробормотала я, не задумываясь о своих словах.

А вот у Ильи стал очень задумчивый вид.

Ага, вон вижу пожелтевший уголок ватмана!

Я скинула туфли, запрыгнула на табуретку и потащила его на себя. С антресолей тут же попыталось упасть все остальное, но я была упорнее. Там еще были две картонные фигуры в

полный рост – Анджелина Джоли и Брэд Питт, с которыми мы на выпускном по очереди фотографировались в обнимку. Их тоже доставать? Хотя бы для того, чтобы выкинуть, например.

– Лови! – крикнула я Илье, сдергивая все сразу. Он подхватил и то, и другое, сложил их в коридоре и остался стоять рядом. Очень удачно, потому что я стала захлопывать дверцы и покачнулась.

Он мгновенно оказался рядом, подхватывая меня за талию.

Я бы удержалась. Точно удержалась бы. Что я, за свои тридцать с лишним пьяная не лазила никуда, что ли? Даже на каблуках.

Но расслабиться было так приятно. Позволить себе упасть в его руки.

Соболев осторожно снял меня с табуретки, но отпускать не стал, наоборот, прижал к себе сильнее.

Он был так близко. Рядом. Здесь, в моем доме. Это казалось нереальным – словно две параллельные прямые из учебника геометрии вдруг наплевали на все законы Евклидова пространства, дернулись друг к другу...

И – пересеклись.

Его губы были близко-близко, так что я чувствовала горячее дыхание.

Это был тот самый головокружительный момент, когда совершенно точно знаешь, что будет дальше.

Обычно его проскакиваешь на всех парах, торопясь туда, где ждет что-то яркое и сладкое. Но сейчас он длился и длился, дрожал на кончиках ресниц, в остановившемся вдохе.

Пока я сама не сделала крошечное движение навстречу, ломая сахарную корочку застывшего мгновения.

* * *

Я пропустила весь целовальный период в школе. Те годы, когда еще никто и не мыслит о постели, когда бешено бьется сердце, оттого что просто держишься за руки, когда поцелуй – главная часть свидания. Самодостаточная и сладкая.

Когда можно целоваться часами до опухших губ, до головокружения, до растворения друг в друге.

Вот это самое волнующее время с двенадцати до шестнадцати – я была одна. Ни единого свидания, никаких поцелуев, записочек, долгих разговоров по ночам.

Мой первый поцелуй был с Игорем – и он сразу хотел идти дальше. Потом, через пару лет, когда в институте я превратилась из куколки в бабочку и начала кружить головы поклонникам, поцелуи уже были просто частью прелюдии.

Кое-что никогда уже не вернуть.

Или?..

С мужем все поцелуи давно были дежурно-регламентированными: чмок при встрече и прощании, два глубоких перед сексом, один нежный – после.

С двумя мужчинами после него поцелуй был просто уровнем в игре, который необходимо пройти, чтобы добыть главное сокровище. Даже для меня, не говоря уж о них.

Это детская забава – поцелуй.

Мне уже не пятнадцать.

Давно...

Не...

Пятнадцать...

Если...

Только...

Рядом...

Не...

Тот...

Кто...

Мои пальцы запутались в его пшеничных волосах. Я встала на цыпочки, чтобы дотянуться до губ, подняла лицо как к солнцу, и закрытые глаза почувствовали свет и тепло, исходящие от него.

Я больше не видела этого рослого ловкого мужчину с уверенным взглядом и четкими движениями – я закинула руки на шею нескладному мальчику с тонкими чертами лица.

И сама больше не была усталой и циничной женщиной – мое сердце трепыхалось в груди как в пятнадцать, я умирала от волнения и счастья, когда этот изломанный, резкий, слишком умный мальчишка касался моих губ с трепетом и нежностью, которых я никогда прежде не знала.

Целовался ли он сам в том возрасте?

Может быть, как и мне, ему было не с кем?

Может быть, как и я, он пропустил эту часть.

И сейчас мы вернулись обратно и повторяли непройденный материал вместе. Целуясь как в первый раз в жизни.

Мы отрывались друг от друга совсем ненадолго. Просто для того, чтобы посмотреть безумными глазами, выдохнуть, попытаться вернуть реальность на место, не справиться – и снова нырнуть в сумасшедшую весну полжизни назад.

* * *

Но мы были взрослыми людьми, и привычки брали свое. Тела наши – горящая кожа, дрожащие пальцы, свернувшееся внутри звенящее напряжение – требовали свое. Мы держали их под контролем, но каждое касание отдавалось дрожью.

Я вела пальцами по его упрямым губам, тонкому прямому носу, острым скулам, твердой линии челюсти, замечая раздвоившимся сознанием, как поверх тонких черт нездешней красоты кто-то за прошедшие годы нарисовал сильный характер и горькие приметы потерь.

Он изменился, и это было правильно, потому что только нынешний мужчина мог привести упрямого подростка в себе сюда. А я... наоборот. Выпустила из сердца ту нежную девочку, чтобы ее влюбленными глазами смотреть в его глаза. Вспоминать, как когда-то болели от желания прикоснуться кончики пальцев – и касаться сейчас, наполняя водой тот иссохший колодец. Как захватывало дух, когда я только воображала то, что сейчас происходит наяву. Как плакала, сжимаясь от мучительной боли несбыточного.

Восторг от воплощенной в реальность мечты сменялся тягой попробовать ее на вкус настоящего.

Его пальцы вели по ключицам, стаскивали платье с груди. Мои губы оставляли огненные следы в тех местах на шее, где бешеный пульс вырывался на поверхность как родник из-под камней. И продолжали цепочку поцелуев ниже, еще ниже, до напряженных мышц внизу живота, каждое прикосновение к которым заставляло его вздрагивать, а напряженную твердость под тканью джинсов – пульсировать в предвкушении.

Я выпрямилась, но задела пальцами ширинку, и Илья рвано выдохнул мне в шею. Его руки гладили мою грудь, предательски обнаженную упавшим с плеча платьем, и была моя очередь выдыхать.

– Ты такая мягкая... – сказал он, останавливаясь, чтобы сделать передышку. Мне тоже были нужны эти паузы, когда мы просто замирали на половине жеста, чтобы привыкнуть к своей новой реальности. – Такая нежная на ощупь. А казалось – будешь колючей.

Я тихо засмеялась, уткнувшись в его грудь. Рубашка под пальцами распахнулась сама собой.

– Признайся, все, что ты говорила, это для того, чтобы потроллить народ? Ты вовсе не такая прожженная?

Я судорожно выдохнула, закрывая его губы своими пальцами. Он поцеловал их так нежно, что по коже пробежали мурашки. Не надо слов. Мы просто закрываем гештальты. Просто восстанавливаем справедливость и исправляем ошибки.

Его кожа пахнет как цветущие яблони в саду за школой. Его губы на вкус как пронзительно-кислый барбарис, который растет у забора. Мы словно потерялись в долгом летнем вечере, в теплых сумерках, когда голоса разносятся далеко-далеко и догорает золотой закат.

Пусть так и останется.

Это не было быстрой яркой страстью, когда не успеваешь даже до конца снять одежду, жадной, голодной, короткой.

Это не было неумелой робостью, когда движешься наугад и дрожишь как безумная только от этой неловкости.

Не было жаркой жадной, пережигающей нервы, испепеляющей, после которой остаются синяки, засосы и невидимые огненные печати в сердце.

Это не было ничем, что я могла бы вообразить, если бы осмелилась мечтать о таком. Но я никогда не дерзала думать дальше первого поцелуя. Поэтому то, что происходило сейчас – крепкие поцелуи, нежные объятия, – и наоборот – рождало внутри какой-то запредельно теплый свет. Раскатывало альтернативную реальность, в которой получаешь все, что хотела, и еще сверх того.

Я знала, что он видит меня той, семнадцатилетней и свежей. Как я вижу его тем – прежним. Но лучше. Все происходящее было обычной любовной историей двух одноклассников, которые вдруг поняли, что не везде друг друга потрогали. Но лучше.

Как тот образ, который мне создали в салоне красоты. Вроде бы я.

Но лучше.

Все было как надо. Без неловкости и неудач, неизбежных в первый раз с новым человеком. Словно мы уже давно вместе, но недостаточно давно, чтобы упустить из ладоней хоть каплю страсти.

Мы едва добрались до постели в комнате, и я, неожиданно для себя самой, очутилась сверху, медленно насаживаясь на него под искрящимся взглядом светлых глаз, темнеющих с каждым сантиметром, входящим в меня.

Илья остановил меня в последнюю секунду, замер так, глядя мне в глаза, словно ища там что-то конкретное и очень особенное. Но я нетерпеливо двинулась, и прозрачную воду затуманила дымка желания. Он поймал губами мой сосок, сжал бедра сильными руками – и я забыла о том, что в этой позе положено чем-то управлять.

Я оказалась еще более подвластной заданному ритму, его управлению, губам, разжигающим пожар в самый нужный момент, пальцам, скользнувшим между нашими телами, чтобы томительными нежными движениями довести меня до исступления. Где-то между сорванными вдохами и влажными касаниями Илья проговорил мне на ухо, словно забывшись:

– Ты настоящая, такая настоящая...

Я не стала ничего спрашивать, снова закрыв ему рот – на этот раз губами.

Как бы мне ни хотелось поскорее добраться до вершины, Соболев не давал. Смеялся над попытками двигаться быстрее, ловил ртом нетерпеливые стоны и перестал мучить только в тот момент, когда сам уже не мог сдерживаться.

Хотя, может быть, это было чуть быстрее, чем хотелось бы. Голова кружилась, физические ощущения перемешивались с пьянящими эмоциями в крепчайший коктейль, и не хоте-

лось оттягивать удовольствие, играть в игры. Хотелось просто быть вместе, касаться горячей кожи, пить поцелуи, чувствовать единый ритм сердец и движений.

После, лежа рядом и восстанавливая дыхание, он целовал меня в плечо и больше не пытался ничего говорить. Все было правильно. Все было как надо.

Но лучше.

Как в том анекдоте про то, что если у вас в детстве не было велосипеда, зато сейчас есть «Порше», то у вас все равно в детстве НЕ БЫЛО велосипеда.

Только наоборот. Мечта сбылась – и ничуть не устарела за прошедшее время. То счастье, бесконечное и яркое, которое я воображала себе в прошлом, было именно таким. Ярким и бесконечным.

Радость – такой же сильной и искренней.

Как будто мне подарили велосипед сейчас, но он внезапно появился и в детстве тоже. И радуется, что там, что тут. По-настоящему.

Только... мне больше некуда на нем ездить.

Так и будет стоять в прихожей, вызывая всплески восторга при взгляде на него.

Пока не примелькается. Он был бы исполнившейся мечтой тогда – и был бы нужным. А сейчас он просто – исполнившаяся мечта. Это невероятно много. Но чуть-чуть меньше, чем надо бы.

Две прямые, которые однажды пересеклись, расходятся навсегда.

* * *

Я первая встала и ушла в душ. Вернулась и начала одеваться. Главное, не перепутать оттенок новых колготок, женщины такие мелочи обязательно заметят.

Илья, нахмурившись, смотрел на меня.

– Ты куда? – наконец спросил он.

– В смысле – куда? В школу. Мы же обещали газету принести. Давай, а то они что-то заподозрят. Десять минут идти. Чем мы тут могли заниматься?

– Тем, чем занимались? – предположил он. – Пусть подозревают.

– Вставай, вставай! – Я уже натягивала обратно платье и подправляла макияж.

Идеальные губы он мне, конечно, смазал, но там все веселые и пьяные, вряд ли заметят, что помада другая.

– Я думал... – он все еще хмурился, но уже встал с постели.

Невольно я залюбовалась его подтянутой фигурой. У мужа уже к тридцати стал отрастать животик, у других мужчин моего возраста и старше почти у всех мягкие бочка. Даже те, кто ходил в спортзал, больше внимания уделяли накачанным бицепсам. А женщинам нравятся совсем другие вещи...

Не удержалась и поймала его по пути к ванной, чтобы поцеловать еще раз и погладить пальцами по твердым мышцам на животе и груди. Лизнула солоноватую кожу плеча.

Илья обнял меня за талию, прижал к себе, отвечая на поцелуй. Отстранился, заглядывая в глаза:

– Может быть, не пойдем никуда? Они, наверное, уже забыли про эту газету.

– Ну что ты, ребята же ждут, – я вывернулась из его рук.

Он снова непонимающе посмотрел на меня, будто ожидал совсем другого поведения, но выпустил и ушел в душ.

Что тут непонятного?

То, что он заинтересовался мной только потому, что я играла свою роль звезды? Что тащил в постель мою улучшенную копию? Что его на самом деле задело то, что мне не нужны

муж и дети? Пришла бы я в своем обычном виде, как хожу каждый день, в джинсах, например, он бы любовался моими ногами?

Смотрел бы так жадно на мои губы, если бы они были накрашены обычной темно-розовой помадой? У меня повседневный макияж: тон, тушь и губы. Никакого глянца, никаких стрелок. И на каблуках в десять сантиметров я бегаю раз в год.

Он может сколько угодно восхищаться моей мягкостью, но он оценил ее только на контрасте с моими дерзкими словами. Лучший способ зацепить мужчину – показать, что ты не такая, как другие женщины. Не хочешь детей и замуж и не рвешься превратить его в домашнего песика. Наоборот – поматросила и бросила.

Вот на это они клюют! Еще как!

Я видела, как моя однокурсница получила пять предложений руки и сердца прямо в тот же вечер, как заявила, что никогда не выйдет замуж.

Мужчина же у нас кто?

Завоеватель!

Как только крепость объявляет себя принципиально не захватываемой, все окрестные армии приходят под высокие стены, чтобы доказать, что именно они войдут в историю, первыми ее взяв. Заполучить в свой список побед яркую звезду, творческую личность и разбивательницу сердец хочет каждый.

Только это не я.

Я – скучная и нищая разведенка-неудачница.

Пустила один раз золотую пыль в глаза – и все. Каждый день я такой фейерверк просто не потяну. Так что пойдем, Соболев, обратно в школу, я доиграю свою блистательную роль и уползу обратно в норку вспоминать бал во дворце.

– Давай фигуры выкинем уже на фиг, а газету отнесем, – скомандовала я Илье, когда он, выйдя из душа, влез обратно в свои джинсы и слегка помятую рубашку. Посмотрела скептически – ну ладно, сойдет, вроде не сильно жевали. Не гладить же ее сейчас.

По дороге обратно в школу он все еще посматривал на меня, словно собирался что-то спросить, но не мог найти слов. Только у самых школьных дверей остановился и обернулся – я с удовольствием врезалась в его широкую грудь и вдохнула свежий мужской запах, уже ничего общего не имеющий с яблоневым цветом и барбарисом. Что-то другое, терпкое и сильное. И уже чуточку привычно-родное, смешавшееся с моим запахом.

– Так что, ты правду говорила про своих мужчин? Отработал и свободен?

Я закатила глаза:

– Соболев, а ты заявление в загс планировал завтра нести, что ли? Так учти, он по понедельникам не работает!

– Думаешь, я до вторника передумаю? – сверкнул он глазами.

– Думаю, мы все сегодня еще натворим много ерунды. Зачем же останавливаться только на мне? – усмехнулась и мотнула головой в сторону зарослей цветущей сирени под окнами школы. – Там, глянь, Рикита с Протасовым, что ли, опять? Вот неугомонные...

– Нет... – он действительно взгляделся в переплетение ветвей. – Кажется, это Денисов.

– Вот те раз! – я открыла перед Ильей школьную дверь. Дотащить в одиночку свернутый как попало ватман он еще смог, а вот дальше рук уже не хватало. – Он же священник! И женат! Никого не щадят проклятые гештальты.

– Кто-кто не щадит? – переспросил Соболев.

– Забей.

До третьего этажа я доскакала на каблуках гораздо бодрее, чем в первый раз, не давая ему обогнать меня и задать еще какой-нибудь провокационный вопрос.

* * *

В тридцать третьем все было так же, как до нашего ухода. Народ пил, болтал, рассматривал фотографии друг у друга в телефонах, о чем-то потихоньку ругался.

Только Протасов сидел в углу крайне мрачный в компании с бутылкой водки и глушил одну за другой. На него не обращали внимания.

Наше появление все встретили ехидным:

– О-о-о! Да вас за смертью посылать!

Наташка тут же повисла у Соболева на локте под предлогом того, что помогает развернуть стенгазету. Хотя она скорее мешала и дергалась под руку.

Синаева тоже влезла со своим любопытством:

– Где вы столько шлялись, а?

– Заглянули небось в раздевалку по-быстрому, да? – заржал Першин, кивая на мрачного Протасова.

Я неудержимо покраснела и, чтобы никто не заметил, быстро опустила голову, отходя к столу с закусками. Хотела только изобразить, что страшно проголодалась, но поняла, что на самом деле хочу есть. Ну да, немудрено после таких интенсивных физических упражнений. Сделала себе парочку бутербродов, выловила из банки маринованный огурец, плеснула сока и потихоньку справилась со смущением.

Тем более что никто в наш разврат не поверил.

– Да ладно, это на пять минут времени, а остальные полчаса они чем занимались? – фыркнул Морозов. – Без нас наверняка фотки рассматривали и ржали!

Он обвиняюще тыкнул пальцем в Илью.

Тот поднял руки:

– Виновен!

– Так что, сильно мы с тех пор изменились? – мурлыкнула Наташка.

Она снова отиралась около Ильи, прислоняясь то одним боком, то другим, как игривая кошка. Кажется, никому действительно не пришло в голову, что мы могли заниматься чем-то другим!

Имидж скромницы и ботана – страшная сила.

Ватман развернули и разложили на сдвинутых партах. Приклеенные силикатным клеем фотографии за столько лет скукожились и выцвели, но надписи были читаемы.

– О, смотрите, Морозов мечтал быть журналистом.

– И стал.

– А Першин актером.

– И не стал.

– Да актеры смазливые все эти... жополюбы, на фиг мне такое! – прогремел Першин, отпивая шампанское прямо из горла. – Народ, может, за пивом сходим? А то как буржуи по шипучке ударяем.

Коваль, наша звезда сериалов, посмотрел на него крайне мрачно, а жмущаяся к его боку жена, с которой они, похоже, помирились, так и вовсе планировала проклясть, судя по лицу.

Но Першин, со свойственным ему тактом, даже не заметил их реакции.

– Наташк, а ты решила не размениваться и написала просто: «Знаменитостью».

– Мечтала о судьбе Пэрис Хилтон или Ксюши Собчак? Ничего не делать, только пить шампанское на вечеринках.

– Нет, просто покрывала больше возможностей, – заявила Наташка, запрыгивая на ту же парту, на которой в начале вечера сидела я. И тоже закинула ногу на ногу, позволив алому

платью открыть бедра. Ноги у нее были похуже моих, но мальчики выпили достаточно, чтобы не заметить разницы. – И, кстати, сбылось!

– Да мы уж видели, как ты выступаешь... Знаменитость.

– Это я только ради школы согласилась. Обычно у меня все выходные ангажированы, мой агент ведет расписание выступлений, и свободные места в нем есть только на сентябрь.

– Ты хорошо поешь, – Синаева покровительственно потрепала ее по плечу. – У меня дочка тоже выступает. Может, вас познакомить?

Я тихонько хрюкнула в стаканчик с соком, представляя, как Наташка будет делиться опытом выступлений по кабакам с десятилетней певицей из церковного хора. Потому что Наташкина плотная ангажированность означала именно это: «живая музыка» в ресторанах, сборные концерты муниципалитетов и затыкание дырок там, где настоящие знаменитости по какой-то причине отказались.

Она успела рассказать мне, что ресторанные выступления как раз приносят больше всего денег. Но на них зовут охотнее, если у тебя уже был сольник в большом зале. Зал обычно не собирается, и выступление приносит только убытки. Зато потом снова чешешь по кабакам, народ узнает: «Она в январе в Кремлевском дворце выступала!»

Такой вот круговорот: заработала в одном месте, заплатила в другом, чтобы снова пригласили в первое. Дохода почти никакого, но зато движуха и удовлетворение амбиций.

– Ой, у нас Соболев еще про себя ничего не рассказал! – прервала неловкую паузу Наташка, ничего не ответив Синаевой. Та поджала губы, но дергать ее не стала. – О чем он там мечтал?

– Стать музыкантом, – спокойно отозвался Илья. – У нас был очень творческий класс, вы заметили?

– А стал? Кем трудишься-то? Жена, дети? – Наташка передвинулась, наклонилась и изогнулась скрипичным ключом, только чтобы прижаться к его руке и посмотреть снизу вверх наивно распахнутыми глазами, опущенными мохнатыми лапками искусственных ресниц.

Илья будто бы на секунду задумался, потом, запнувшись, сказал:

– Администратором. Концертного зала.

– Охранником, что ли? – насмешливо кинул Першин. – У нас охранники тоже себя администраторами называют, а уборщицы менеджерами по клинингу.

– Охранником, – спокойно согласился Илья. – Вроде того.

Наташка сморщила носик и хотела что-то переспросить, но тут в класс вошли Рикита с Денисовым. У Таньки был довольно всклокоченный вид, она перетягивала заново свой высокий хвост и поправляла помаду, а Денисов никак не мог стереть глупую улыбку с лица.

Но улыбка пропала сама собой, когда уже изрядно набравшийся Протасов встал, с шумом отодвинув свой стул, подошел грозными шагами командора и уперся в него налитыми кровью глазами:

– Ты! – Он продемонстрировал сжатый огромный кулак. – Давай-ка выйдем!

– Да пошел ты! – отозвался Денисов.

– Или я прямо здесь тебя отделаю!

Он толкнул Денисова, и тот, такой огромный вроде бы страшный мужик с бородой, послушно потащился к выходу из класса.

– Мальчики, не надо! – кокетливо рассмеялась Рикита, подхватывая бокал и устремляясь за ними.

– Вот и портятся мужчины из-за таких, как эта... – что-то такое проворчала вполголоса Синаева.

– Ну ты что, развлекуха же! – Наташка подала Илье руку, чтобы он помог ей слезть. – Пойдем во двор! Они, наверное, с выпуска не дрались, будет забавно!

Все с большим энтузиазмом выдвинулись на школьный двор. Куда охотнее, чем шли на официальную часть в актовЫй зал.

Я тоже.

Только пока Наташка повизгивала и хлопала в ладоши, Рикита хохотала во все горло, а Синаева бегала вокруг и все повторяла: «Мальчики, не надо!», я тихонько просочилась за спинами одноклассников к боковой калитке и быстрым шагом направилась домой.

Пять минут пешком, если не плестись нога за ногу, а сбегать от любимых одноклассников.

Уже в родном подъезде в сумке завибрировал телефон. Я отперла дверь квартиры, вошла и только тогда нажала «Ответить». Номер был незнакомым.

– Рит, ты куда делась? – а вот мягкий голос, наоборот, знакомым.

Бубух! – рухнуло в живот сердце.

Нажала отбой и занесла номер в черный список. Подумала – и выключила телефон совсем.

Пробежалась по дому, задерживая шторы, вырубилa домофон и дверной звонок.

Зашла в интернет и прибила аккаунты в соцсетях.

Отрыв был отличным, мне понравилось. Не зря деньги потратила.

Но Золушка возвращается с бала домой.

Причем вовремя.

* * *

Наутро я осторожно высунула нос за дверь, но почему-то соскучившиеся одноклассники не дежурили там всю ночь, чтобы вовлечь меня обратно в мир возлияний и разврата. На всякий случай пока не стала выходить из радиомолчания, включать телефон и восстанавливать аккаунты: у меня и без того было много дел.

Купила коробку роскошных пирожных и отнесла их в «Парижский шик». Раиса, оглядев свою корпулентную фигуру, начисто отказалась портить ее сладостями, зато девочки с удовольствием набросились на эклеры и буше. По понедельникам в салоне было затишье, единственную клиентку мы тоже угостили, и можно было поболтать.

– Ну, как прошло? Давай показывай фотографии! – впиалась в меня Раиса пронзительным взглядом черных глаз. – Не посрамила ты мою работу?

– Ни в коем случае! Была настоящей звездой, ходила так и эдак, демонстрировала маникюр, педикюр и прическу, разве что не пела! – отчиталась я и полезла по аккаунтам моих бывших одноклассниц искать фотографии.

Конечно, они их уже выложили, как же не похвастаться!

Там была и я. Со всеми своими ногами: сидящая на парте, с маринованным огурцом в руке, немного испуганная и рядом с Ильей – подозрительно широко улыбающаяся.

Раиса внимательно рассмотрела все свидетельства моего блеска и отдала телефон обратно.

– Спасибо вам огромное! – с чувством сказала я. – Как разбогатею, буду ходить только к вам!

Но хозяйку мало интересовали мои фантастические обещания, она отмахнулась:

– Будешь, будешь! Ты другое мне скажи – был он там?

– Кто? – спросила я, замирая.

Ничего же не рассказывала вроде?

Или меня загипнотизировали, пока я расслаблялась под умелыми пальцами Ангела, и я выболтала все свои секреты?

– Сердечный твой гвоздь! – стукнула Раиса мундштуком о стойку, словно забивая этот гвоздь в полированный мрамор. – И не ври опять! Знаешь сама, я все вижу!

– Вынула я гвоздь! – рассмеялась я. – Всем доказала, что я лучшая, и на том успокоилась.

– Или покрепче вбила?.. – хитро спросила она.

– Нет, точно нет, – я помотала головой. – Это все одноразовые развлечения. Что было в школе, того больше нет. Мы сейчас совсем другие люди.

– Так почему эти новые люди не могут быть друг с другом?

Я беспомощно пожала плечами. Не хотелось с ней ругаться и доказывать, что ее жизненный опыт и мудрость иногда дивно уместны, а иногда – ну просто не про современную жизнь.

В ее время создать семью было одним из обязательных пунктов в жизни. А в наше это считается обузой. Особенно у таких как Илья – ярких и привлекательных. Зачем ему жена, если он может менять женщин раз в неделю?

– Ладно, я побегу! – я помахала всем рукой и послала стилисту Ангелу воздушный поцелуй.

Мне сегодня надо было еще отослать несколько заказов, съездить на «Севастопольскую» обновить запасы фурнитуры для украшений, купить открытки, которые я вкладываю в каждую посылку, – в общем, дел полно. Некогда беспокоиться о былом и несбывшемся.

– Хочешь, забегай как-нибудь, сделаю укладочку быстро и бесплатно! – громко шепнул Ангел, покосившись на Раису, но та прищурила один глаз, усмехнулась и промолчала.

– Да мне некуда теперь с укладочкой, – рассмеялась я.

– Как некуда? А на свидание?

– Никаких свиданий, одна работа!

– Ну как хочешь, – сдался стилист. – Хотя ты и так красивая. Если они там все в тебя не повлюблялись, у них глаз нету!

Надо было ему отдельно целый торт купить.

Я забежала домой за посылками, чтобы отнести их на почту, и задержалась, на секунду поймав отголосок вчерашних эмоций, когда вот так же светило золотистое солнце через тень зеленой листвы за окном, было тепло и радостно... и фотографии, которые в этот момент разглядывал Илья, так и валялись на кухонном столе.

Я разворошила их – разные годы, разные лица. Ранние, средних классов, еще черно-белые, и они мне нравились даже больше цветных. На них как-то четче видны будущие характеры в чертах лица, все строже и яснее.

Невольно погладила пальцем Соболева на выпускном фото.

У меня была его фотография из школьного похода: я украла ее с классной выставки. Так часто ее тискала, что края обтрепались, а изображение протерлось. Не помню, куда ее потом дела.

Вышла из дома, все еще думая про эти общие фото класса, которые были, наверное, у всех. Черно-белые, где каждый снят отдельно, а потом вписан в овал и размещен на огромном коллаже с пририсованными тетрадками в клетку и кленовыми листьями. Или цветные, где все собраны одной гурьбой, нижний ряд сидит, а верхний стоит на стульях. Или эти, новомодные, на которых все сняты сверху, и на смеющихся мордочках, заданных к фотографу, играют солнечные зайчики.

Их нечасто достают из альбомов, а ведь это такая милота, почище котят. Вот бы сделать такие украшения, которые напоминали бы о выпускном и Последнем Звонке! И добавить туда гроздь белой сирени, и тюльпаны, и медные колокольчики с красными ленточками! Будет потрясающий подарок выпускникам и учителям.

И я еще успею надеть комплекты, пока идут экзамены. Надо только очень-очень быстро все делать, пока не успела отцвести сирень и не закончились выпускные.

Вернувшись домой, я схватила фотоаппарат и поехала в Сиреневый сад, снимать все-все виды сирени от нежной и мелкой белоснежной до тяжелых бархатных гроздей почти черной. Нашла «счастливую» сирень, у которой все цветочки были с пятью лепестками, и еще более счастливую, у которой лепестков было десять. Залезла за низкую оградку к самым старым кустам, была выгнана сторожем, но успела сфотографировать нежно-розовый, похожий на взбитые сливки редкий сорт.

Заодно полюбовалась на тюльпаны и нарциссы и пропиталась молодым майским солнцем до самых костей.

Схватила вдохновение за хвост и за вечер наделала столько серег и брошек, что на следующий день пришлось еще раз ехать за пополнением материалов, на этот раз выбирая побольше белых и сиреневых бусин.

За всеми этими делами не было времени даже восстанавливать аккаунты, жаль было его тратить на пустую болтовню в сети.

Но когда я полностью доделала первую партию, пришлось все-таки выйти из тени: нужно продавать новую коллекцию, свежую, с пылу с жару, пока она отзывается весенним узнаванием.

Стоило мне возникнуть онлайн, как в личке моментально объявилась Наташка:

– Слушай, ты где вообще пропадаешь? Не дозвониться, не достучаться! У нас без тебя все киснет!

– Что киснет? – растерялась я.

Последние несколько лет мы с ней обменивались только картинками по праздникам, а тут вдруг я зачем-то понадобилась, да еще так срочно.

– У меня день рождения в субботу!

– Я помню... – недоуменно ответила я. – И?

Точнее – помнит интернет и не забывает меня дергать с вопросом, не хочу ли я поздравить бывшую подругу.

Не хочу.

Но поздравлю.

Сегодня только четверг, чего дергаться?

– Короче, когда ты сбежала, мы потом еще выпили и решили, что надо чаще встречаться! Поэтому в эти выходные празднуем мой юбилей!

– Наташ, тридцать три – это не юбилей, – осторожно сказала я, пытаюсь сообразить, как от драки мои одноклассники умудрились перейти к такой глубокой любви, что готовы снова увидаться уже через неделю.

– Юбилей! Возраст Христа! Самый главный праздник!

Вообще с количеством восклицательных знаков она могла бы обращаться и поаккуратнее. И это я еще на ошибки внимания не обращала.

– Хорошо, как скажешь, – послушно согласилась я.

– Короче, мы гуляем тем же составом, что был на встрече! Соболев настоял!

– При чем тут Соболев? – как можно более аккуратно поинтересовалась я.

– Ну он же администратор! Или охранник! Ну, короче, кто-то там! И он может подогнать крутой лимузин для тусовок! У нас будет мобильная вечеринка! Но только с условием, чтобы все-все-все были.

– Странное условие...

– Ой, не знаю! По-моему, он просто стесняется оставаться со мной наедине! Как был скромником, так и остался!

Не знаю, лично я не заметила, чтобы он особенно скромничал...

– Почему ты думаешь, что это ради тебя?

– Я же тебе рассказывала! Он еще тогда после школы меня нашел и позвал на свидание! Точно запал! И тут, когда я сказала про вечеринку, сам предложил лимузин! Сто процентов снова хочет подкатить!

– И что, если я откажусь, он передумает?

– Не знаю, Рит! Но все остальные уже согласились! Не порти мне праздник! Приходи! Ради меня!

Кой черт меня дернул согласиться?

Хотела убедиться, что Соболев и правда отстал и переключился на Наташку?

33-летний юбилей

Ну что ж, ящик водки и всех обратно?

Я рассмеялась, глядя на себя в зеркало. В глазах резвились чертики.

Отдохнув от напряженного воскресенья, побегав по городу в солнечные майские дни, я вдруг поняла, что с удовольствием бы повторила выход в свет в образе звезды. Снова захотелось побыть не собой – едва сводящей концы с концами неудачницей, которая все еще тоскует по своей развалившейся семье. А яркой, живой и отвязной нахалкой, которая смотрит на симпатичного мужчину не как на замену мужу, а просто как на человека, с которым можно весело провести время. Это помогло мне расслабиться. Разжать стиснутые кулаки хотя бы ненадолго.

Не зря же у меня родилась такая вдохновляющая коллекция! Такого давно уже не было: после первых удачных экспериментов я потом никак не могла нащупать вкусы покупателей. А тут была уверена – разберут за неделю!

В эти украшения я вложила весь свой драйв, весь свет и всю нежность, родившуюся между нами с Ильей.

Кстати, надо было уже выложить рекламные посты.

Я еще раз рассмотрела тесные джинсы и прозрачную блузку, которым отказала в первый раз, но собиралась надеть во второй. Что-то меня в них смущало. Как-то теперь этот образ принудительно сексуальной домохозяйки мне не нравился. Может быть, дело было в том, что мне хотелось самой поносить свои украшения? Серьги, изображающие грозди белой сирени, мне так сильно нравились, что я подумывала не продавать их, оставить как рекламный образец.

Но поразмыслила – и нашла вариант лучше. Выгуляю их на Наташкину вечеринку, повернусь перед камерами, а потом добавлю эти фото в рекламную кампанию.

И, конечно, джинсы под них не подходили.

Зато с былых легких времен у меня осталось летнее белое платье и босоножки, в которых я сама себе казалась юной выпускницей. В эту встречу надо поменьше распространяться о своей личной жизни и побольше – о работе. Буду теперь творческой звездой!

По глянцевої помаде я тоже соскучилась. Она стала для меня символом новой Риты – независимой и яркой, поэтому я мысленно помахала еще одной приличной сумме и отправилась в уже знакомый торговый центр, на этот раз в косметический магазин.

По пути туда я передвигалась перебежками и огородами, чтобы случайно не попасться на глаза слишком проницательной Раисе. Но, скрываясь от нее, я попала прямоком в объятия Ангела – сама не заметила, как воткнулась в него по пути к кассе с заветной помадой.

– О. Мой. Бог! – так он отреагировал на мое платье. И сережки.

Но, может быть, ему просто не понравилась укладка?

Он сцапал меня за плечи, отстранил, чтобы присмотреться, и прицокнул языком:

– Я же говорил! Ты и без полного бюти-фарша красавица! Посмотри на себя – такая нежная! Как клубничный йогурт! Мечта мужчин!

– Мужчины не любят клубничный йогурт... – смущенно попыталась я отбиться.

– Это кто тебе сказал? Другие женщины? – насмешливо скривился Ангел. – Опа! Это что у тебя?

И он перехватил мою руку с зажатой в ней помадой.

– Нет, эта не подходит! – отрезал он и решительно направился к другой стойке. – Попробуй вот эту, розовую.

– Как кусочки клубники в йогурте? – прыснула я.

– Именно! Девочки, сделайте ей мою скидку, – бросил Ангел консультанткам. И наклонился ко мне, сообщив заговорщицким шепотом: – Раисе ничего не скажу, обещаю.

Помада добавила последний, самый важный штрих к моему образу. Она превратила все вместе: платье, босоножки, серьги, свет в глазах и нежную помаду – в цельный образ, стильный и продуманный. Не просто юная выпускница, а звезда, которая решила побыть еще и такой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.